Grandmaster

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Укрощение зверя

Василий Головачев

Укрощение зверя

Серия «Евангелие от зверя», книга 3

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135167
Укрощение зверя: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15303-9

Аннотация

С уничтожением Храма Морока противостояние Темных и Светлых сил на русской земле не заканчивается. Более того, проникая во властные структуры и захватывая политические посты, эмиссары Зла приобретают все большее влияние и получают возможности для воздействия на души тысяч людей. Хранители Рода в тревоге. И не напрасно. Выжившие после битвы адепты Чернобога уже готовы вновь восстановить Врата Зверя и впустить его в реальный мир. А вот готовы ли защитники к новой сече?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 7
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 21
Глава 6 27
Глава 7 35
Глава 8 41
Глава 9 51
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Василий Головачев
Укрощение зверя

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, —
Вам принес я эти саги…
Лонгфелло

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений,
Возникнет праведная Русь.
Я за нее одну молюсь.
М. Волошин

Глава 1
Упреждающий удар

Снегопад кончился, выглянуло солнышко, и все вокруг заискрилось, заиграло сотнями радуг, засверкало драгоценными каменьями, так что на пушистые снежные холмики и поляны больно было глядеть.

Ростислав Видеев вдохнул всей грудью чистый морозный воздух, посмотрел на солнце – не щурясь, и направился в обход погоста, сунув руки в карманы зипуна, как это делал почти каждый день по утрам, после занятий с ризничим, перед тем как сесть за икону.

Ростиславу исполнилось восемнадцать лет. Родителей он не знал, и воспитывали юношу сначала в детском доме, а когда детдом упразднили чиновничьим повелением, за воспитание отрока взялись монахи церкви Георгия Победоносца, расположенной в деревне Сено, в километре от поселка Новый Изборск Псковской губернии. Там Ростислав прижился, закончил школу и стал богомазом, или, говоря современным языком, иконописцем. В

настоящее время он заканчивал писать большую икону Пресвятой Богородицы. Отцы местной церкви уже успели пустить о ней слух как об иконе – спасительнице земли от террора и скверны.

Икона же действительно впечатляла. Ее высота достигала двух с половиной метров, а изображена на ней была Богоматерь в полный рост, держащая одной рукой младенца Иисуса, под ногами ее – земной шар, а на нем египетские пирамиды, Тадж-Махал, Кремль и другие чудеса света, символизирующие нации и целые цивилизации.

В правом нижнем углу иконы Ростислав поместил болото, в которое должна была уползти нечисть. Фоном являлся венок из полевых цветов, соединяющий небесную и земную сферы, сквозь который проглядывал лик Бога. Другой рукой Богородица опиралась на расцветший жезл – символ очищения души. Охватывал икону рунический орнамент, по мысли иконописца символизирующий торжество жизни над смертью, добра над злом.

Вопрос – зачем ему это надо? – Ростислав себе не задавал. Он свято верил, что делает благое дело по зову души. К тому же он знал, что испокон веков чудотворные иконы защищали Русскую землю, и верил, что его творение послужит добру и свету.

Тропинку в снегу, протоптанную им же вокруг погоста, замело, пришлось прокладывать новую. Ноги в стареньких ботинках замерзли, однако Ростислав не стал отказываться от прогулки. Душа просила тихих размышлений.

Старое церковное кладбище, заросшее ракитами, березками и кустарником, располагалось в центре села, на возвышенности, рядом с церковью, звонницей и малыми пристройками. Сама церковь была построена еще в тысяча пятьсот шестьдесят втором году и представляла собой крепкое, четырехстолпное, трехапсидное сооружение с одной главкой синего цвета над четырехскатной кровлей, отделанной декоративным узором. Традиционное членение фасада широкими лопатками придавало церкви торжественный вид.

Полюбовавшись красивым силуэтом строения, Ростислав бросил взгляд на двадцатиметровую звонницу, стоящую на квадратном основании, с массивной двухпролетной арочной стенкой с колоколами, и побрел мимо оригинальных волнистых ворот кладбища, в обход ограды, вокруг погоста, забирая к северу. Перешел улицу с редкими по причине чувствительного морозца прохожими, начал спускаться к ближайшему пруду, самому большому из имеющихся трех, замерзших, покрытых льдом и засыпанных снегом.

Внезапно его окликнули:

– Эй, паря, погодь.

Ростислав оглянулся.

Его догоняли двое прохожих, которых он заметил на улице.

Один был плотен, кряжист, одет в черный полушубок и черные плотные штаны. На голове меховая шапка, на ногах сапоги. Густая черная борода, квадратное лицо, мощные брови, глаза-буравчики.

Второй был помоложе и одет современнее, в блестящую зеленоватую куртку со множеством молний и кармашков, в джинсы и зимние ботинки с пряжками в виде паучков. На голове плоская кепка с меховым отворотом. В ухе серьга из белого металла. Бледен, гладко брит, скулы острые, рот пуговкой и бегающие глаза.

– Чей будешь? – угрюмым басом спросил, подходя, мужик в полушубке.

Ростислав обратил внимание на его правую руку без перчатки: ноготь на большом пальце был черным, а на указательном пальце красовался перстень в форме змеи. Точно такой же перстень имел и молодой спутник бородача.

– Ничей я, – улыбнулся Ростислав. – При церкви живу.

– Видеев твоя фамилия?

– Да он это, иконорез, – повел плечом молодой, сверкнув бледно-серыми злобными глазами. – Х-художник, бля, век воли не видать.

– Не лайся зря, – прогудел бородач недовольно.

– А что будет? – ухмыльнулся парень. – Ты Хрису пожалуешься? Или самому Господину?

– Извините, – стесненно проговорил Ростислав. – Если вам ничего от меня не нужно…

– Очень даже нужно, – снова ухмыльнулся незнакомец в куртке. – Говорят, ты иконы красивые пишешь?

Ростислав порозовел.

– Дело не в красоте…

– Это уж точно. Можешь показать?

– Она в приделе стоит, рядом с церковью.

– Вот и покажи, а мы оценим.

– Оставь, Ефим! – буркнул бородач. – Некогда нам иконами любоваться. *Дело* делай.

– Так, может, это не он – ожидаемый рунник. Да и молод больно.

– Сказано – гасить всех под второй десяток, значит, будем гасить. Тебе сколько годков, малый?

– Восемнадцать.

– Вот, то, что надо. Сполняй волю Хриса.

– Сам-то что ж?

Глаза бородача налились чернотой, метнули молнии.

Его спутник передернул плечами, выдавил бледный смешок.

– Ладно, ладно, не дави на психику, я пошутил. – Он поднял перед собой руку с перстнем. – Да придет Тот, Чье Имя Будет Произнесено!

– Что вам надо? – хотел еще раз спросить Ростислав, но опоздал.

Перстень на пальце молодого спутника бородача налился фиолетово-сиреневым сиянием и метнул в монашеского воспитанника неяркий шарик света.

Ростислав отшатнулся, но шарик вильнул, вонзился ему в грудь, и Ростислав почувствовал ледяной удар, застыл, парализованный, оглохший и ослепший.

Бородач повернулся к нему спиной, двинулся к дороге, разгребая сапогами снег. На дороге появилась машина – серая «Мазда-6», остановилась у бордюра.

Бородач достиг машины, открыл заднюю дверцу, оглянулся.

– Чего стоишь?

Молодой человек в куртке наставил на застывшего с открытым ртом Ростислава палец:

– Пу!

Словно дождавшись этого слова, иконописец мягко завалился лицом в снег, раскинув руки.

Напарник бородача быстро запрыгал по снегу назад, к дороге, сел в машину. Оба посмотрели на неподвижно лежащего в снежном сугробе парня.

– Готов? – спросил их водитель, похожий обликом на монаха.

– Верняк, – осклабился молодец в куртке. – Даже если очнется, забудет все, что знал. Хотя я бы гасил их попроще: удар ножом в шею – и каюк.

Бородач промолчал.

«Мазда» рванула с места, набирая скорость.

Солнце снова закрыли тучи, начался снегопад. Но лежащий на обочине Ростислав Видеев не пошевелился. Сердце его остановилось.

Глава 2
Мистерия беса

Полная луна вышла из-за туч и осветила замерзшее болото, окруженное со всех сторон мрачным зимним лесом.

Снег присыпал мох и траву, но кочки и высокий ковыль все же были видны из-под наста, создавая впечатление увядания и мертвого сна природы. Путник, случайно забредший сюда в это время года, наверное, перекрестился бы и побыстрее удалился прочь, подальше от этого угрюмого места, навевающего тоску, уныние и первобытный страх. Но вопреки безрадостной атмосфере болота к нему со всех сторон стягивались странные люди в черных одеяниях. Некоторые явно были монахами, остальные же носили мирские одежды, хотя и подчеркнуто старинного кроя. Они вышли на край болота, остановились на короткое время, переглядываясь, снова двинулись вперед, охватывая цепью парящую в центре болота полынью размерами с баскетбольное поле.

Из леса прилетел одинокий волчий вой.

Цепь пришельцев замерла.

Затем один из них, высокий старик в черной монашеской рясе, с крестом на груди в виде недокрученной свастики, с посохом в руке, седобородый, согбенный, поднял вверх свой суковатый посох с ручкой в форме головы змеи с зубастой пастью. Ручка засветилась изнутри неживым сине-фиолетовым светом, метнула ввысь клубок голубого огня, который поднялся выше елей и лопнул ручьями света.

Волчий вой оборвался.

Старец поманил пальцем кого-то.

Из леса вышли четверо мужиков в зипунах, подталкивая в спину спотыкавшегося седого старика без шапки на голове, с холщовым мешком в руках. Процессия преодолела болото, остановилась у края полыньи, перед большой кочкой с белой шапкой снега.

Старика вытолкали вперед.

Его длиннобородый сверстник с посохом в руке подошел ближе, направил острие посоха на кочку. Ударила неяркая фиолетово-сиреневая молния. Снег на вершине кочки испарился, облачко пара быстро рассеялось в морозном воздухе.

– Собирай *Володарь*, Евстигней!

Старик, безучастный ко всему на свете, молча взялся за мешок, высыпал на снег два десятка деревянных дощечек с какими-то письменами. Начал складывать на кочке крест из дощечек.

Мужики в черном опасливо попятились.

Горбатый старец направил на них посох.

– Стоять!

– А не жахнет, Хрис? – пробормотал один из них.

– Не жахнет, – усмехнулся в бороду старец. – Это всего лишь руновязь силы, повелевать коей буду я.

Старик без шапки, судя по всему никак не реагирующий на мороз, которого владелец посоха назвал Евстигнеем, положил последнюю дощечку, выпрямился.

– *Володарь* собран, – прозвучал его тихий бестелесный шепот.

Глаза старика были открыты, но ничего не видели. Да и сам он давно был мертв, поддерживаемый лишь волшебством черных заклинаний.

– Цату!

Евстигней пошарил на груди, достал из-под полы стеганой фуфайки тускло блеснувший металлический кругляш, положил на центральную дощечку креста.

В воздухе повис стеклянный звон, будто по хрустальному графину ударили палочкой.

Над крестом встало облачко переливчатого сияния.

Колдун взмахнул своим посохом, и сорвавшаяся с острия палки молния увлекла облачко сияния к парящей полынье. Облачко расплылось зонтиком, с треском опало множеством шипящих искр. По воде полыньи побежали мелкие волны, складываясь в красивый интерференционный узор. Затем в середине водоема вода вздулась бугром, и тот покатил к берегу, то есть к кромке замерзшего болота.

Цепь монахов и их угрюмых коллег дрогнула.

– Стоять! – оскалился Хрис. – Магидаты на *устроение*!

Все вытянули вперед сжатые кулаки с перстнями в виде змей.

Водяной бугор приблизился к снежно-ледяному краю полыньи, взметнулся вверх, превращаясь в текучую гигантскую полупрозрачную змею с головой полудракона-получеловека.

– Замри, навий слуга! – густым басом пророкотал старец, направив на водяную змею посох, добавил непонятную трескучую фразу.

Змея, роняя водяные капли, застыла, нависнув над кочкой с разложенным на ней деревянным крестом.

Евстигней не двинулся с места, продолжая глядеть перед собой невидящими глазами.

Еще одна странная фраза, трудно произносимая человеческим языком.

У змеи засветились три глаза.

– Иди, принеси нам Врата, Ягья, сын Господина! – проговорил колдун. – Да будет это угодно Тому, Чье Имя Произнесено!

Посох метнул молнию, вонзившуюся в туловище змеи.

Древний изверг-демон, оставшийся в живых после разрушения Храма Морока, вытянулся на десятиметровую высоту, формируя тело из вод озерца-болота, и бесшумно втянулся обратно. Исчез.

Луна выглянула из-за туч, высветив черное на белом, словно решила узнать, что происходит в сердце леса, посреди болот.

Минута прошла в напряженном молчании.

Пришельцы, вытянув шеи, всматривались в парящее черное зеркало воды.

Затем в центре полыньи возник водяной бугор, покатился к цепи черных фигур, вырос в сказочного водяного дракона и выбросил на снежный наст толстую черную плиту размером метр на метр, облепленную комьями слизи и бородами водорослей.

Цепь монахов дрогнула.

Хрис взмахнул посохом.

– Уходи, Ягья! Жди вызова! Ты мне еще понадобишься.

Полыхнула молния, пронзая тело змеи.

Древний демон, обретший временную форму благодаря силе заклинания, качнулся назад, медленно погрузился в закипевшую воду. Последней в волне скрылась странная двоящаяся голова монстра, внезапно ставшая почти человеческой, с высветившимся на миг красивым женским лицом.

Колдун подошел к дымящейся плите, осмотрел ее со всех сторон, покачал головой. Достал из складок рясы необычной формы – с двумя горлышками – сосуд из фиолетового стекла. Взболтал. Отвинтил колпачок на более узком горлышке, наклонил над плитой. Из горлышка сорвалась крупная светящаяся изумрудом капля, упала на плиту и вмиг одела ее тонкой пленкой пламени.

Раздался грозовой треск. Во все стороны полетели комья слизи, клочья водорослей и струи пара. Над плитой на одно мгновение вырос призрачный контур морды апокалиптического зверя – полудракона-получеловека, сверкнули огненные глаза.

Цепь монахов попятилась, отмахиваясь крестами и перстнями.

Призрак чудовищного демона раскрыл пасть, словно улыбнулся в ответ на страх мелких людишек, втянулся в плиту, погас. Плита еще некоторое время вздрагивала и дергалась, как кусок желе, потом успокоилась, очищенная от ила и грязи.

– Забирайте, – облегченно проговорил колдун.

Четверо дюжих монахов подошли к Вратам, через которые в мир Земли *сходил* древний арктический бог Морок, бог северного ветра, войны и насилия, слуга еще более сильного владыки черных сил Чернобога. Плита зашипела. Монахи отскочили.

Хрис коснулся плиты концом посоха.

Раздался треск. По плите пробежала огненная змейка, оставляя после себя трещину.

Колдун выругался сквозь зубы, взялся за крест на груди, дотронулся до Врат еще раз.

– *Остынь!*

Плита оделась сеточкой молний, почернела. Застыл и Лик Зверя на ней – изображение Морока, хотя смотреть на него долго было нельзя: черное *дыхание* демона, проходившего сквозь Врата тысячи раз, настолько пропитало их, что они сами стали излучать *морок – силу*.

– Поднимайте!

Монахи с опаской взялись за плиту, подняли, понесли к лесу, утопая в снегу. Было видно, что несут они ее с трудом, будто она бетонная или металлическая.

– Собирай Володарь, – приказал Хрис стоявшему без движения Евстигнею.

Тот покорно собрал дощечки в мешок.

– Ведите его.

Парни в черном толкнули старика в спину, повели вслед за монахами, несущими плиту.

Потянулись за ними и остальные служители культа Морока, молча, не проронив ни слова. Их лица, освещенные луной, были равнодушны и угрюмы, отражая внутреннюю сущность черных душ.

Болото опустело. Лишь в окне полыньи изредка взбулькивали пузыри да вспухали и опадали водные бугры. Успокоилась водная гладь лишь спустя час после ухода гостей.

Они между тем двигалась по лесу недолго. Вышли на поляну, окруженную кольцом засохших деревьев, многие из которых упали вершинами к ее центру. За кустами в дальнем углу поляны сверкнули волчьи глаза, однако никто их не заметил. Только Хрис приостановился, поворочал головой настороженно, всматриваясь в мертвое спокойствие зимнего леса; он чуял зверя. Но волк не показывался, ни одно движение не нарушало ночного сна природы, и колдун успокоился.

Монахи, сопровождавшие переносчиков Врат, очистили в центре поляны несколько пней. На одном установили плиту, на втором безучастный ко всему происходящему старик с непокрытой головой снова начал раскладывать дощечки с вырезанными на них рунами. Закончил, отступил на шаг, уронив руки.

Монахи окружили плиту, подняли перед собой сжатые кулаки с перстнями, затянули странную тягучую песню.

Колдун поднял посох, произнес трескучую фразу наподобие той, которой он вызывал демона Ягью.

С острия суковатой палки сорвалась неяркая желтая молния, ударила в центр плиты, одев ее в пленку бледного огня. Тотчас же над крестом Володаря встало призрачное облачко света, случайно или нет принявшее форму человеческого тела. Еще одна молния пронзила это облачко, увлекая его к плите.

Раздался мерзкий визг и вой! Плита стала корчиться, как живая, выпячиваться, дергаться! Впечатление складывалось такое, будто ее обожгли.

Монахи дрогнули, зароптали, затем громче запели свою унылую песню, но не тронулись с места, лишь защитили ладонями левых рук глаза, правые же – с перстнями – продолжая держать перед собой.

Плита начала течь вверх, формируя демоническую морду драконочеловека, пересеченную трещиной. Сверкнули налитые алым свечением *пустые*, без зрачков, глаза.

Евстигней вдруг как бы очнулся, шагнул было к плите, претерпевшей удивительную метаморфозу, поднял руки, словно собираясь вцепиться *Зверю* в горло. Но глаза призрачного демона метнули тусклую багрово-фиолетовую молнию, и старик вдруг вспыхнул как факел! Причем горело только его тело, одежда осталась нетронутой! Через несколько мгновений от старика остались только фуфайка, штаны и куча пепла.

Зверь повернул морду к Хрису.

Тот вздрогнул, очнулся, достал бутылку с двумя горлышками. Взболтал, боком приблизился к ожившим Вратам, прикрывая глаза ладонью, чтобы ненароком не встретить зомбирующий, мертвящий, *убивающий* взгляд демона. Отвинтил колпачок с более широкого горлышка и ловко капнул на морду *зверя* так, что капля попала на трещину.

Зашипело.

Пасть демона раскрылась, издав тот же сверлящий уши визг и вой. Трещина задымилась и стала затягиваться, пока окончательно не исчезла.

Колдун отмахнулся посохом.

– Сим повелеваю! Будь цел и невредим! С нами Тот, Чье Имя Произнесено! Р-р-ректограмматр-р-ронн!

Последнее слово наполнило гулом всю поляну.

Монахи повторили его враспев, так что со всех сторон из леса вернулось гулкое каркающее эхо, а с деревьев осыпался снег.

Где-то далеко прозвучало короткое волчье рыдание. Ему отозвался собачий лай в близлежащих деревнях.

Демон вытянулся вверх на два десятка метров прозрачным чешуйчатым телом змеи и втянулся в основание плиты, как бы провалился в нее, образовав уходящий в бесконечность дымный колодец.

Удар, треск!

Колодец «выпрыгнул сам из себя», превращаясь в демона, снова нырнул вниз, вернулся, ушел в глубь земли и, покачавшись таким странным маятником, превратился в светящуюся расплавленным стеклом вздрагивающую плиту.

Еще один треск, потише.

Плита в один миг остыла, почернела. Теперь она выглядела как новенькая, только что отштампованная каким-то дьявольским прессом. Трещина, ямки, борозды и сколы на ее углах исчезли. Выпуклое изображение Лика Беса на ней стало четче, реалистичней, *живей*.

Хрис опустил посох, сгорбился, опираясь на него, дыша с трудом, будто его покинули силы. Впрочем, так оно и было. Магия всегда отнимает у адепта его энергию и жизненные силы, а тем более магия *тьмы* и зла.

К нему подошел угрюмый мужик с черной бородой.

– Надо уходить, Хрисанф. Мы всю округу разбудили.

– Зато прочистили Врата. Господин будет доволен.

– Евстигнея бы закопать…

– Ни к чему. Старик сделал свое дело. Забирайте модуль.

– А он не…

– Не бойся, Алексий, модуль включается только от *слова*. Ты его не знаешь.

Мужик махнул рукой монахам. Те взялись за плиту, легко подняли, удивленно переглянулись. Плита, которую они еле тащили сюда, потеряла почти весь вес!

– Несите к озеру.

Процессия направилась через поляну к северной кромке леса, в сторону озера Ильмень, до которого по прямой было всего чуть больше километра. Однако снегу намело много, поэтому шли медленно, утопая по колено, а то и по грудь. Луна склонилась к горизонту, когда все тридцать три участника мистерии выбрались к замерзшему озеру вблизи мыса Бармин Нос.

Здесь их ждал современный вездеход «Пурга», славившийся своей живучестью и проходимостью. В его кабине могли свободно разместиться пять человек и груз в пятьсот килограммов. Однако в вездеход сели только трое: колдун Храма Морока, его чернобородый помощник и еще один молодой монах, игравший роль телохранителя Хриса. Плиту Врат завернули в полиэтиленовую пленку, перевязали скотчем, уложили в багажное отделение.

– Заканчивайте *делание*, – обратился к остальным Хрис. – Никто не должен помешать приходу Господина. Ищите новых девок, ищите иконописцев и… э-э, нейтрализуйте. Наместник ждет наших удачных постав.

– Сам-то почему не сподобился присутствовать на ритуале? – проворчал один из монахов постарше. – Аль спужался?

Водитель вездехода, неподвижно сидевший у штурвала, на которого никто не обратил внимания, бросил короткий сверкнувший взгляд на Хриса.

Колдун покосился на него, сдвинул брови.

– Придержи язык, Евлампий! Наместник ничего не боится и следит за каждым из нас.

– Так уж и за каждым, – не унимался монах.

Водитель «Пурги» вдруг выбросил в его сторону сжатый кулак, и бородача словно ветром отнесло на несколько метров назад, так что он не удержался на ногах, завяз в сугробе.

– Еще кто-нибудь вякнет, – раздался хрипло-шипящий голос, – пасть порву!

Толпа монахов и прислужников Храма попятилась.

– Наместник здесь!

– Черный Вей!

– Правая рука Господина… – послышались голоса.

– Поехали, – бросил водитель, облик которого так и не удалось никому разглядеть в свете луны.

Хрис уселся рядом с ним, захлопнул дверцу. Монахи-сопровождающие устроились в кабине. Вездеход сорвался с места и, вздымая снежную пыль, понесся через озеро к его западному краю, где в двадцати километрах начинались пригороды Новгорода.

Сбитый с ног монах заворочался, сел, вытирая ладонью снег с лица, с трудом встал. Никто не протянул ему руки.

Снегоход превратился в точку, исчез на снежно-ледяном торосистом поле.

Лишь тогда служители культа Морока задвигались, заговорили и отправились по своим следам обратно в лес. Каждому из них предстояло самостоятельно добираться до окружавших озеро деревень, а кое-кому и гораздо дальше.

Луна вышла из-за туч, озарила опустевшую ледяную гладь озера.

Затем из кустов на берегу выглянула светлая волчья морда, сверкнули янтарно-желтые глаза. Волк постоял немного, вытянув морду вперед, глядя на озеро, и бесшумно канул во тьму.

Глава 3
Другая сила

Поздно ночью в окошко старенькой избы на окраине села Вербного Новгородской губернии постучал какой-то путник.

Спустя мгновение в избе мелькнул огонек. Сама собой отворилась дверь избы. Путник оглянулся на кого-то, сказал тихо:

– Жди здесь.

В кусты под забором юркнуло светлое пятно, сверкнули прозрачные волчьи глаза.

Путник бесшумно шагнул в сени, аккуратно прикрыл за собой дверь.

В горнице его ждал небольшого роста пожилой мужчина с абсолютно лысой головой, но с усами и седой бородкой, в длинной белой рубахе до пят.

– Здрав будь, Всеслав.

– Храни тебя Род, Георгий.

Волхв Новгородской славянской общины и Витязь Оберега общин, или, как можно было назвать эту службу по-новому, «оперработник службы вечевой безопасности Рода», пожали друг другу руки, и хозяин кивнул на стол, застеленный чистой скатеркой, на котором в простом подсвечнике стояла свеча.

– Присядем.

Гость, снявший ботинки еще у порога, снял зимнюю куртку, шапку, повесил на вешалку, прошелся по теплым половикам, сел на массивный деревянный табурет. Хозяин принес крынку с молоком и кружки, налил себе и гостю, сел сам. Выпили по полкружки, прислушиваясь к тишине ночи. Всеслав не спросил, почему гость прибыл в столь неурочный час, словно это было в порядке вещей, а Витязь, налитый внутренней *силой*, позволяющей ему легко справляться с морозом, не торопился начинать разговор. Допил молоко, поставил кружку на стол.

– *Это* состоялось, владыко. Они восстановили Лик Беса.

– Да, я *слышал*. Где именно это произошло?

– Там же, где стоял Храм. Врата уцелели, как и демон Ягья. Остался жив, к сожалению, и маг Храма.

– Хрисанф?

– Он и руководил ритуалом восстановления модуля. Кстати, им удалось оживить Евстигнея, который по их заказу вырезал Володарь с руной Силы.

– Как им это удалось?

– Не знаю. Мы упустили из виду эту возможность.

– Евстигней… я думал, он давно… но ты уверен, что именно он был там?

– Я проверил, сходил на то место, где происходил сход ублюдков Морока. На берегу осталась одежда Евстигнея. Сам он… сгорел.

Всеслав прикрыл глаза рукой, помолчал.

– Мы виноваты в его гибели. Я виноват! Знал же, что бесы охотятся за руноносцами… а он был первым… Они тебя не засекли?

– Там был Светлый, волк Владиславы, он все видел. Я пришел позже.

– Куда они понесли Врата?

– Неизвестно. Погрузили на какой-то транспорт, а дальше *запах* Врат исчезает. Они могут всплыть где угодно.

Всеслав задумался, глядя на свечу.

– Их надо найти. Во что бы то ни стало! До того, как в наш явный мир придет Морок. И надо подготовить дружину, которая смогла бы пройти Мост между Явью и Навью и нейтрализовать Зверя в его логове.

– Я займусь этим лично.

– Постарайся. Но хватит ли сил?

– Нас не будут ждать, во всяком случае *там*, в мире Морока. А здесь сил хватит. Я найду тех, кто был с нами в день уничтожения Храма, они подготовлены лучше всех. Правда… – Георгий замялся.

Волхв остро посмотрел на него.

– Договаривай.

– Прошло три с лишним года… Я знаю, что *обретенник* Пашин ушел от жены, а Громов… э-э, в общем, он тоже не живет с женой и детьми.

– Почему?

Витязь молча, с виноватым видом, развел руками.

Всеслав опустил голову.

– Я догадываюсь. Это примитивная месть Морока всем тем, кто ему мешал. Слишком много его слуг осталось на земле ждать прихода Господина. И эта сеть продолжает действовать. Ты знаешь, что в деревушке Сено умер юный иконописец Ростислав? Якобы от внезапной остановки сердца.

Георгий коротко кивнул.

– Они ищут нашего руновяза. Это уже пятый случай по России. К сожалению, мы не можем приставить охрану ко всем талантливым художникам.

– Надеюсь, Данила в безопасности?

– Его оберегает Нестор со товарищи. И в любой момент могу подключиться я, тем паче что школа недалеко.

Волхв улыбнулся.

– Светлый отрок, правильный. Ему дан удивительный дар *слышать* мир душой. Не спускайте с него глаз! Только он один может закончить новый Володарь с Руной Света. Только с его помощью мы сможем помешать Мороку и его черному Господину выйти в наш мир. Их появление будет равнозначно катастрофе общеземного масштаба, Новому Потопу. Человечество и так болеет всеми мерзкими болестями, а с приходом Чернобога и вовсе превратится в стадо, в систему бесовского питания, в *материал* для его античеловеческих опытов.

– Мы это понимаем. Но эмиссары и агенты Морока сидят везде, на всех ключевых постах власти, в каждой социальной структуре, в том числе в Думе, Правительстве, Кремле, в силовых ведомствах, и их больше, чем наших людей. Но мы работаем.

– До весеннего Схода общин мы должны закончить руновязь, иначе нас ждет раскол. Миссионеры Морока не дремлют. Их методы просты и действенны, а главное – нравятся молодежи.

– Слепой молодежи.

– Так надо лечить эту слепоту!

Георгий промолчал.

Всеслав посмотрел на его спокойное лицо, вздохнул.

– Это я не тебе сказал, а себе. Мало нас, ты прав. Что мы можем противопоставить Мороку?

Витязь потер затылок ладонью, слабо улыбнулся.

– Только великое терпение, владыко. Наши силы ограниченны. А враг силен и коварен. Ему ничего не стоит купить душу человеческую, не имеющую иммунитета ко лжи. Одна надежда – ученики наши. Их не так много, как хотелось бы, но они есть, и они идут верным

путем. Да и по образовательному уровню наши школы способны конкурировать с любыми школами России. Выпускники их легко поступают в любые престижные институты. А ведь учатся они не одиннадцать лет, а гораздо меньше, хотя и овладевают тем же объемом знаний.

– Да, – кивнул Волхв задумчиво, – это правда. И все же Система Морока пустила корни в структуры образования Отечества так глубоко, что в этом болоте тонут почти все светлые начинания. Зато проходят черные идеологемы вроде единого госэкзамена и «реформы языка».

– Пока мы не можем этому помешать, владыко. Но мы работаем.

Всеслав повесил голову.

Витязь смотрел на него терпеливо, с пониманием и сожалением, зная, что дни владыки сочтены. Всеславу исполнилось уже двести лет, а это был предел даже для волхвов такого уровня.

– Мы работаем… – невнятно повторил Всеслав. – СМИ, образование, наука, финансы – в руках ворога… черные колдуны воскрешают наших павших волхвов для своих целей… Держатели Ночи контролируют все властные структуры… чиновники поголовно продаются слугам Морока… православные храмы превратились в самые настоящие «черные дыры», высасывающие энергию и души у людей… а ты говоришь: мы работаем…

Георгий хотел возразить, что сил Оберега для масштабных операций по очистке социума от скверны у них мало, но передумал. Правда была горькой. Славянские общины пока не могли уберечь Род от вымирания.

Всеслав налил себе еще молока, но пить не стал. Вдруг повел над кружкой рукой, и молоко лентой вылетело из кружки, собралось в шар. Колышущийся молочный шар подплыл ко рту волхва, и тот одним глотком втянул его в рот. Посмотрел на сохранившего невозмутимый вид гостя, усмехнулся.

– Скажешь, баловство?

Георгий молчал.

– Баловство, конечно, – пробормотал волхв. – Или мы все же что-то можем?

– Можем! – твердо сказал Витязь.

Глава 4
Надежда

Чухлома расположена на покрытой лесами Галичской возвышенности, в пятидесяти километрах к северо-востоку от старинного городка Галич Мерьский и в ста семидесяти километрах от Костромы. Город стоит на берегу ледникового Чухломского озера, упоминаемого в Солигаличской летописи как Чудское, что непривычно для слуха тех, кто знает другое Чудское озеро – в Псковской губернии, на льду которого дружина князя Александра Невского разбила немецкое войско.

В далекой древности в этих местах жили финно-угорские племена – чудь и меря. В летописи же Чухлома впервые упоминается в тысяча триста восемьдесят первом году как город, входящий в Галицкое княжество. Однако возникла она раньше, еще в десятом веке, а приобрела известность, когда между галицким князем Юрием Дмитриевичем и его племянником московским князем Василием II завязалась в начале пятнадцатого века борьба за великокняжеский престол, продолженная после смерти Юрия его сыновьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым. Конец этой кровавой распре был положен только в тысяча четыреста пятидесятом году: Василий Темный разбил войско своего двоюродного брата и подчинил Чухлому вместе с другими городами Галицкого княжества Москве.

Чухлома в настоящее время – красивый старинный русский город, богатый произведениями деревянного зодчества и каменными сооружениями разных эпох, такими, как Успенская церковь тысяча семьсот тридцатого года, дома купцов Климовых и Большаковых, Преображенский собор и главная достопримечательность города – соборы и церкви Свято-Покровского Авраамиева Городецкого монастыря, расположенного на берегу Чухломского озера, в месте, где из озера вытекает речка Векса.

К сожалению, почти не сохранилось монастырское кладбище, на котором были похоронены дворяне рода Лермонтовых вместе с основателем рода Джорджем Лермонтом.

Между тем Данила Ломов любил бродить в окрестностях этого кладбища и даже отыскал плиту надгробья одного из предков гениального поэта.

Даниле исполнилось семнадцать лет. В Чухлому он из своего Парфина, расположенного на озере Ильмень, переехал еще два года назад, к дядьке Василию, брату отца, чтобы закончить школу. Пятидесятилетний Василий Иванович Ломов и его жена Вера Андреевна своих детей не имели и с превеликим удовольствием приняли в семью племянника. Данила обещал стать великолепным художником и после школы собирался поступать в Московский государственный художественный университет. Рисовал он все – от пейзажей до портретов людей, но больше всего любил писать иконы в орнаментах, фигурами которых были старинные рунические символы и буквы древнерусского языка.

Жили Ломовы в собственном доме в Рыбной слободе, на окраине города, на берегу озера, и Данила часто в свободное время помогал им по хозяйству: дрова наколоть, двор прибрать, починить что-нибудь.

Все работали: Василий Иванович – врачом в местной больнице, специалистом по лечению остеохондроза и ревматизма, его жена – там же медсестрой. Поэтому весь день, не считая времени занятий в школе, Данила был предоставлен сам себе, и это его вполне устраивало. В случае чего он и сам мог приготовить себе обед или ужин, хотя Вера Андреевна старалась не оставлять его без еды.

Впрочем, свободного времени у парня, вымахавшего под метр девяносто, плечистого, сильного, практически не оставалось. Кроме учебы он занимался не только художественным творчеством, но и борьбой под руководством школьного учителя физкультуры, также

переехавшего из Парфина в Чухлому и устроившегося в ту же школу. Звали учителя Нестором Будимировичем, был он уже в летах – многие считали, что ему далеко за шестьдесят, – но столь подвижен и крепок, что сомнений ни у кого насчет его профпригодности не возникало. Данила же точно знал, что учителю больше ста лет и знает он столько, что беседовать с ним было одно удовольствие. Что же касается вида борьбы, а вернее, рукопашного боя, которому Нестор Будимирович обучал парня, то он назывался лютый бой и представлял собой одну из разновидностей воинского искусства русских витязей – живы. За четыре года занятий Данила овладел многими навыками этого воинского искусства и мог постоять за себя в любое время и в любых условиях. Хотя однокашникам свое умение предпочитал без нужды не демонстрировать. Он был добродушен, почти как все истинно сильные люди, стеснителен и не любил показывать свою силу.

Дом дядьки Василия был деревянным, как и большинство жилых строений Чухломы. Центр города, конечно, застраивался современными «высотками» в десять и шестнадцать этажей, но окраины жили по-старинному, и патриархальный деревенский вид Рыбной слободы всегда приводил Данилу в прекрасное расположение духа. Он любил простоту и неторопливость деревенской жизни, несмотря на все тяготы современного бытия, да и сам не любил торопиться, будучи созерцательной натурой, стремящейся понять смысл того или иного явления.

В доме Ломовых у Данилы имелась своя комната, где стояли стол, кровать, комод с книгами, стул и мольберт. Кроме того, в его распоряжении был чулан, где он хранил картины, иконы и поделки из дерева – фигурки зверей и птиц. А недавно у парня появился и компьютер, чему он был очень рад, хотя и использовал его только для поиска нужных материалов для школы и разного рода эзотерических текстов; Данила увлекался тайными знаниями древних и много читал.

Девочки из класса относились к нему снисходительно, потому что он не ругался, как другие мальчики, не пил пиво, не курил, не участвовал в общих вечеринках и тусовках, не ходил по дискотекам, зато безропотно помогал всем, кто об этом попросит. В том числе охотно откликался на просьбы девчонок, за что получил от ребят кличку Данила-Угодник. Однако он на это не обижался, а дав однажды укорот заводиле класса Шурику Фрумкину, забияке и драчуну, заслужил уважение и у мужской половины школы. Его подначивали, но до определенного момента, зная, что Угодник может легко одолеть любого.

Была у Данилы и девочка. Вернее, он был тайно влюблен в Марусю Линецкую, красавицу с длинными льняными волосами, волоокую и пухлогубую. Но добиваться ее расположения не стал, побаивался, и не столько злых языков, сколько того, что она отвергнет его, как уже отвергла неуклюжие попытки ухаживания со стороны более смелых парней. А так – дружил, как и с другими девчонками, помогал решать задачи по математике, иногда танцевал с ней на школьных вечерах… катался на лыжах, возил на лодке по озеру вместе с другими… и мечтал по ночам о встречах один на один, видел в красочных снах…

Во вторник пятнадцатого февраля он вернулся из школы раньше родственников, быстро пообедал: щи, овсяная каша с мясом, молоко, – и подсел было к компьютеру. Но пошастать по Сети ему не дали. В доме вдруг объявились незваные гости.

Данила учуял их «спиной», прислушался к своим ощущениям и вышел из комнаты в горницу.

Дверь в сени была открыта, пропуская ток холодного воздуха, и оттуда на него смотрели двое: горбившийся старик в монашеском одеянии, седобородый, с неприятным немигающим взглядом тусклых желтоватых глаз, и молодой парень в блестящей куртке со множеством молний, в джинсах и ботинках с пряжками в виде пауков. На голове у него была приплюснутая шапка с меховым отворотом. Глаза у парня бегали по сторонам, водяни-

сто-серые, злые, холодные, и весь его облик был неприятен и порождал ощущение скрытой опасности, будто он держал за пазухой змею.

– Вам кого? – удивленно спросил Данила.

– Ты будешь Данила Ломов? – спросил молодой, раздвигая бледные губы в кривой улыбке.

– Да, я. А вы кто?

– Тебя-то нам и надо. Говорят, ты иконы пишешь? Покажь свое искуйство.

– Зачем? – не понял Данила.

Гости переглянулись, вошли в горницу, не сняв обуви.

– Может, мы купим парочку.

– Я не продаю…

– Нам продашь.

Данила сдвинул брови.

– Не продам!

– А ты повежливее, повежливее, молодой человек, – с укоризной прогудел старик, погладив бороду; Данила заметил, что один ноготь на его руке был черным, а на пальце красовался перстень в форме змеи с большой головой. – Чай к тебе не простые гости пожаловали. Мы тебя в бараний рог скрутим, ежели понадобится.

Данила почувствовал странный удар по голове – изнутри, будто там взорвалась газовая граната, но сознания не потерял, автоматически переходя в состояние резонансной готовности к бою, как учил его Нестор Будимирович.

– Уходите! Я вас не звал!

Молодой верзила в дурацкой шапке-кепке бросил на старца глумливо-вызывающий взгляд.

– Хамит богомаз! Придется укорот дать. Не возражаешь, святый отче?

– Делай дело, – буркнул старик, озираясь. – Надо будет посмотреть, что он успел намастерить.

– Отрок подраться хочет, дадим ему шанс?

– Уходите! – повторил Данила, сжав кулаки.

– Щенок! – нехорошо улыбнулся незнакомец в кепке. – Знал бы, с кем имеешь дело!

– Кончай ваньку валять, Ефим! – недовольно сказал горбун в рясе. – Торопиться надо, неладное чую.

– Я только дам ему урок, – сказал парень и прыгнул к Даниле, намереваясь ударить его в голову.

Но удар цели не достиг. Художника в этом месте уже не было. Он оказался в метре слева и мог бы ответить, но не стал этого делать. Проговорил глухо:

– Вы не имеете права…

Спутник монаха снова бросился вперед, размахивая длинными руками с растопыренными пальцами, но снова промахнулся. Отскочил, растерянный, разозленный и недоумевающий.

– Ах ты, курва сопливая!

Данила вовремя заметил движение руки противника, метнулся вправо-влево, «качая маятник», и сорвавшаяся с перстня парня молния миновала его, разнесла стеклянный графин на столе.

Данила замер, глядя то на осколки стекла, то на верзилу в кепке.

Тот ощерился, снова выбросил вперед кулак со змеиным перстнем, и хотя Данила ждал этого – на уровне подсознания, все же с великим трудом увернулся от новой фиолетово-зеленой молнии, вонзившейся в стену рядом с висевшими на ней фотографиями. Однако она

пролетела так близко от головы, что щека, ухо и часть шеи Данилы онемели. Пахнуло жутким холодом.

– Вот же прыткий иконописец попался! – Парень в кепке выругался. – Придется мочить по-серьезному.

Монах, разглядывавший висевшую на противоположной стене горницы, между окнами, небольшую икону с изображением богини Макоши – творение рук Данилы, оглянулся.

– Обойдись без шума, Ефим. Нам он ни к чему.

– Щас я его уложу!

Молодой спутник монаха вытащил из-под полы куртки крест в форме недокрученной свастики, поднял перед собой.

– Ну что, щенок, ты и с этим справишься? Именем Того, Кто Придет…

Договорить он не успел.

Словно темная молния прянула из сеней в горницу, и владелец креста и кепки отлетел к стене, отброшенный страшным ударом, буквально влип в стену, роняя крест, сполз на пол.

В середине комнаты протаял силуэт человека, тут же «размазался» от скорости, превращаясь в струю *движения*, устремившуюся к монаху. Но тот, к удивлению Данилы, оказался еще быстрее и, точно так же «размазавшись» в прыжке-полете, переместился к двери, собираясь исчезнуть в сенях. И наткнулся на еще одного гостя, не уступающего ему во владении магической динамикой *легкоступа*.

Удара Данила не заметил.

Тем не менее старика-монаха вдруг унесло назад, как воздушный шарик, он упал, врезался головой в ножку стола и затих.

Силуэты гостей «отвердели», перестали зыбиться и плыть, приобрели плотность и цвет.

На юношу смотрели двое: Нестор Будимирович, учитель по рукопашному бою, и пожилой, невысокого роста мужчина, в котором Ломов-младший узнал Георгия, человека, приходившего к нему год назад вместе со своим другом, которого он называл коротко: владыко. Именно они и дали молодому парню ключ к древним эзотерическим знаниям, поведали истинную историю русского и славянского Рода и предложили вырезать на дощечках так называемую руну Света, символ славного бога Светича, одного из Ликов Белобога.

– Здрав будь, Данило, – прогудел Нестор Будимирович, кряжистый, медлительный с виду, с тяжелым, в складках и буграх лицом, но с умными, живыми и добрыми глазами.

– Привет, – отозвался Данила сдавленным голосом, покраснел, откашлялся. – И вы здравы будьте.

Георгий подошел к монаху, снял у него с шеи цепь с крестом, подобрал валявшийся на полу крест парня в кепке, нагнулся над ним, тут же выпрямился. Встретил взгляд Нестора Будимировича.

– Вызывай своих орлов, Нестор, их надо увезти.

– Вы… их… – начал Данила, бледнея.

– Они еще живы, – сказал Георгий спокойно. – Не говори никому, что к тебе заходили хха. И не переживай особенно. Это нелюди, убийцы, лишенные душ.

– Хха?

– Служители Храма Морока. Они получили задание – убивать всех молодых иконописцев и художников вроде тебя.

– Зачем?!

Георгий усмехнулся.

– Холуи Морока забеспокоились, что владычеству их Господина придет конец, и приняли превентивные меры.

– Но я же ничего…

– Ты *вяжешь* Руну Света, которая способна объединить все светлые силы и возродит Светича, врага Морока.

– Возродит? Разве он… умер? Боги же не умирают…

Нестор Будимирович закончил говорить с кем-то по мобильному телефону, вмешался в разговор:

– Наши боги не умерли, дружок, просто они тысячи лет назад отдали все свои силы для спасения Рода, растворились в нем, и, чтобы их *собрать*, возродить, нужны объединительные усилия. Ты как раз и можешь сыграть роль ключика этих усилий.

– Я не знал… вы мне об этом не говорили…

– Поговорим еще, не все сразу. – Нестор Будимирович прислушался к звукам улицы, стремительно вышел и вернулся с двумя мощными парнями, в которых Данила признал школьного сторожа Митю и врача из больницы, где работал дядька Василий.

Парни поздоровались, легко взвалили на плечи тела старика-монаха и его спутника, вышли. На улице заработал двигатель автомобиля, звук удалился, стало тихо.

– Ну, я тоже пойду, дела, – сказал учитель, похлопал Данилу по плечу. – Учись вычислять потоки внимания и вектор опасности, мальчик, слушай пространство. Вслед за этими упырями могут прийти и другие.

Нестор Будимирович ударил ладонью по подставленной ладони Георгия, скрылся за дверью.

Данила наконец расслабился, робко посмотрел на гостя.

– Чаю?..

– Обязательно, – кивнул Георгий. – А потом покажешь, что у тебя получилось.

Парень оживился, сбегал на кухню, включил чайник, расставил на столе чашки, и вскоре они пили чай с чабрецом и зверобоем, собранными и засушенными еще летом лично Данилой.

Потом смотрели иконы и рисунки, созданные молодым художником за два зимних месяца. Последними Данила выложил из особого сундука, обитого металлическими обручами, два десятка ясеневых дощечек с вырезанными на них рунами.

Георгий внимательно осмотрел их, откладывая те, что уже видел, отложил четыре новые. Взял в руки одну из них.

– Руна СВА, – тихо сказал Данила.

Витязь погладил резы, похожие на китайский иероглиф «чань», но без «лишних» хвостиков и более красивый, постучал по дощечке сгибом пальца.

Дощечка отозвалась певучим звуком, будто была не деревянной, а фарфоровой.

– Греет, – улыбнулся Георгий, прижав дощечку к щеке, встретил заинтересованный взгляд юноши. – Молодец, предреченник, это хорошее решение. Мы на верном пути.

Данила порозовел.

– Я так *вижу* … а она по ночам светится…

– Так и должно быть. Давно, лет пятьдесят назад, я видел такую же руну на старом Володаре.

– На том, что делал дедушка Евстигней?

– Нет, ее вырезал еще до Евстигнея известный художник Варрава Васильев. К сожалению, он рано умер и не смог довершить начатое. Теперь это дело в твоих руках.

– Я… постараюсь…

– Тебе дано *откровение* божье, русские боги зашевелились в душах людей и ждут *сочувствия*. Поможем им – они помогут нам.

Георгий снова погладил дощечку, аккуратно положил в сундучок.

– Береги их, никому не показывай, ни друзьям, ни родичам. Рано еще. И будь осторожен. На, держи. – Он протянул юноше маленький раскладной мобильный телефон.

Данила взял, поднял голову.

– Зачем, дядя Георгий?

– На всякий случай. Это связь со мной. Раскроешь – и я услышу вызов. И вот еще что… вполне возможно, что нам придется уехать отсюда.

– Почему? Куда? – растерялся Данила, сразу подумав о Марусе.

– Может быть, в Москву. Здесь оставаться небезопасно.

– Мне же школу заканчивать…

– Разумеется, закончишь, хотя получить нужные для поступления в университет знания не проблема. Мы с тобой этим займемся. Однако береженого бог бережет, а слуги Морока могут объявиться здесь не раз. Мы, конечно, постараемся отвести им глаза… но гарантий нет. Тем не менее учись, работай и не переживай, только будь внимательней. Остерегайся людей с черными ногтями. Почуешь холод – сразу дай знать мне или Нестору.

– Х-хорошо, дядя Георгий.

– Прячь Володарь. Ты действительно никому его не показывал?

Данила вспомнил, что хотел похвастаться своим руноплетением Марусе.

– Н-нет, дядя Георгий, никому. Вы же не велели…

– Это очень важный палимпсест, без него мы не справимся с бедой, навалившейся на наше Отечество.

– Я понимаю, дядя Георгий.

Данила унес сундучок, а когда вернулся, гостя в горнице уже не было. Хотя как он мог миновать сени, успеть одеться и уйти незамеченным, трудно было представить. Впрочем, Витязь, владеющий *прямымвидением* мира и древней системой выживания – живой, мог еще и не такое. Данила и сам умел ходить *легкоступом*, хотя и не в такой мере, как его учителя. Но жаждал когда-нибудь достичь такого же совершенства.

Повертев в руках новый мобильник, он сунул его в карман рубашки на груди, прибрал горницу, пожалев разбитый графин (придется теперь брать вину перед родичами на себя), и снова подсел к компьютеру. Он уже научился быстро переключаться на решение первостепенных задач, не растрачивая зря эмоции и переживания по поводу происшедших событий. Но в памяти нет-нет да и всплывало злое лицо молодого спутника монаха с ледяными глазами и сам монах с черным ногтем. Слуги Морока. Приходившие его убить!

Данила передернул плечами, сбегал на кухню, умылся холодной водой и приказал себе сосредоточиться на учебе.

Вечером он покаялся тете Вере в случайном разбитии графина, уединился в комнате с очередной дощечкой и принялся переносить на нее с листочка бумаги руну, «греющую сердце». Теперь он *видел*, какой она должна была быть.

Глава 5
Третьим петь будешь?

ВМезень Максим Бусов приехал утренним поездом. А поскольку вещей он с собой почти не взял – все уместилось в одной спортивной сумке, то и решил пройтись до дома пешком, тем более что от вокзала до родного «гнезда», как он называл трехкомнатную квартиру родителей в старом кирпичном двухэтажном доме, было всего ничего – около двух километров.

Мезень расположена в двухстах пятнадцати километрах от Архангельска и в сорока пяти от Белого моря, на берегу одноименной реки. К моменту приезда Максима городу исполнилось четыреста восемьдесят лет – официально, хотя точной даты его основания никто не знал. Было известно лишь, что в начале шестнадцатого века на этом месте новгородскими торговыми людьми было основано поселение Окладникова слобода, которая и превратилась в семнадцатом веке в торговый и административный центр всего бассейна реки Мезень.

Развитию поселения способствовало его благоприятное географическое положение, поэтому именно через него проходил Северный торговый путь в Сибирь, и именно здесь регулярно проводились крупные ярмарки.

Городом Мезень стала в тысяча семьсот восьмидесятом году путем объединения слободы Лампожня – на левом берегу Мезени, Окладниковой слободы и соседней Кузнецовской – на правом берегу реки. Вновь образованный город был причислен к Архангельской губернии в составе Вологодского наместничества, а с тысяча семьсот восемьдесят четвертого стал центром уезда.

В конце восемнадцатого века торговое значение Беломорского пути в Сибирь снизилось, и Мезень превратилась в тихий городок, куда власти ссылали политических противников. Сюда был направлен бывший фаворит царевны Софьи, опальный князь Василий Голицын, а также революционер-народник Порфирий Войноральский, небезызвестная Инесса Арманд, а также писатель Александр Серафимович. Был сослан в Мезень и прапрадед Максима Устин Бусов – «за вольнодумство», где и остался на всю жизнь, женился, завел семью и приобрел известность как певец с чудесным густым баритоном. Его звали в Архангельск, в Петербург и Москву, но Устин так и остался в Мезени, привязавшись к ее природе и людям.

Максим родился в конце двадцатого века и пошел в Устина, обладая таким же красивым голосом – бархатным баритоном, что и прапрадед. Более того, он мог распеть аж целых три октавы – от дисканта до баса, и эта особенность голоса дала ему заметное преимущество при поступлении в Архангельскую консерваторию. Отучившись четыре с половиной года, он помчался домой, в Мезень, чтобы сообщить родителям, что его еще до окончания консерватории пригласили в Московскую оперу.

Февраль в Мезени – лютый месяц, морозы здесь всегда были значительные – до сорока градусов и ниже. Но восемнадцатого февраля мороз упал до двадцати, выглянуло солнце, и Максим с удовольствием прошелся по хрустящим тротуарам центрального Советского проспекта до своей недлинной, но памятной улицы Серафимовича.

Максима нельзя было назвать красавцем, но вырос он в отца, славившегося статью и силой, и девушки невольно обращали внимание на широкоплечего, высокого, с обаятельной улыбкой парня, с гривой вьющихся русых волос, падающих на плечи, и родинкой над бровью. Эта родинка доставила ему немало горестей, так как мальчишки в школе прозвали его из-за нее «барышней». Однако впоследствии прозвище забылось, а родинка осталась, придавая лицу некий «поэтический» шарм, по признанию консерваторских дам. Главным же

достоинством двадцатиоднолетнего парня был его волшебный голос, от которого замирали сердца слушателей (и лопались стеклянные стаканы, как случилось однажды в гостях у знакомой, где Максим, желая удивить девушку, взял высокую ноту). Недаром Максиму прочили карьеру сродни карьере певца Дмитрия Хворостовского, известного всему миру, и недаром заезжая московская знаменитость, известнейший скрипач, побывав в Архангельске на концерте с участием Максима, пообещал ему замолвить словечко «где надо», чтобы Бусова пригласили в столицу. И Максима действительно пригласили. Сдержал-таки слово скрипач.

Конечно, дома была только бабушка. Родители Максима работали: отец – заместителем начальника порта, мама – в местной филармонии, и оба появлялись только к концу дня. Но Максима это вполне устраивало, он пообнимался и поговорил с бабушкой, обрадованной приездом внука, позавтракал и тут же начал обзванивать друзей и знакомых, чтобы договориться о вечерней встрече и потусоваться с местной театральной и музыкальной молодежью.

– Куда же ты? – спохватилась бабушка, когда переодевшийся Максим появился на кухне, натягивая белый полушубок. – Я блины собралась печь. Да и родители тебя еще не видели.

– Я к Пашке, – сообщил на ходу Бусов, – на часок, потом загляну к маме на работу, а вечером поужинаем вместе.

– Гляди, не задирайся ни с кем, молодежь нынче шебутная пошла, безответственная, а ты вон какой видный.

– Ладно, бабуля, – засмеялся Максим, – постараюсь быть тише воды, ниже травы, не переживай.

Через час он встретился с другом детства Павлом Брусницыным, известным в Мезени спортсменом-лыжником, чемпионом района и области. Пашка заканчивал спортивный институт и никуда из родного города уезжать не собирался.

Зашли в ресторан «Мезень» все на том же главном городском Советском проспекте, где располагались почти все заведения соцкультбыта и административные учреждения. Пашка похвастался новой золотой медалью, которую он получил за победу в соревнованиях «Архангельская лыжня», и признался, что собирается жениться.

– На ком? – поинтересовался Максим, вспоминая знакомых девчонок.

– Ты ее не знаешь, – махнул рукой раскрасневшийся Павел. – Она москвичка, приезжает сюда регулярно в местный спортклуб, устраивает аттракционы. Ты не экстремал случайно? Зорбингом не увлекаешься?

– А с чем его едят? – простодушно спросил Максим.

– Сам зорб – это прозрачный пластиковый шар диаметром около трех метров. Внутрь залезает любитель острых ощущений, и шар спускают с горы.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Максим. – Мне что-нибудь поспокойней, в гольф люблю поиграть, в бильярд.

– Ты же вон какой здоровый, мог бы и борьбой заняться или в крайнем случае футболом.

– Я немножко в волейбол играю, футбол не люблю.

– Тоже ничего вид спорта, когда-то и я им увлекался.

Заговорили о друзьях: кто где поселился, на ком женился, где учился и работает. Выпили по глотку сухого вина за рано ушедшего из жизни Ломтика – Гену Ломотова, никогда ни на что не обижавшегося, не жаловавшегося, доброго и отзывчивого. Вспомнили учителей. Сошлись на том, что школа дала им очень многое, а главное – тягу к самостоятельному учению и поиску.

– Ну, а ты как? – переключился Пашка на друга. – Не женился? Закончил свою музыкальную лабуду?

– Весной выпуск, – не обиделся на «лабуду» Максим.

– Куда поедешь? Или в Архангельске останешься?

– В Москву приглашают.

– У-у, это клево! Столичная богема, тусовки, шоу, все такое прочее. Это для тебя.

Максим покраснел. Пашка, простая душа, вовсе не хотел его поддеть, но в чем-то он был прав. Максиму нравилась его «культурная» жизнь, которую он выбрал вполне сознательно. Однако и развиваться, идти вперед, можно было, только покоряя какие-то вершины. Москва же могла дать ему в этом отношении неизмеримо больше, чем любой другой город России.

– Да, – спохватился Павел, – а какой факультет ты заканчиваешь?

– Не факультет, – улыбнулся Максим снисходительно, – отделение по классу вокала.

– Один хрен. Значит, петь будешь? Помню, ты под гитару хорошо пел, девчонки млели, обожали тебя слушать. Кстати, знаешь, за кого Валька Федорова вышла? За Панченко.

– Она же с Костей дружила.

– А мужем спортсмена выбрала, – рассмеялся Пашка. – Дуб дубом. Хочешь, подъедем к ним, они на Тургеневской живут.

– Удобно ли… – засомневался Максим.

– Ты же не каждую неделю приезжаешь в Мезень. Они только рады будут. Заодно и песни попоем, и наших вспомним. Я могу еще Шурика Степного пригласить и Кольку Артюхова, Серегу Хинчика, они здесь, в порту работают. Оттянемся по полной, когда еще встретимся? Можем компанией в ресторан завалиться и на зорбе покататься.

– Зимой?

– Какая разница? Шар, он и зимой шар, залезай и катись. Тем более бесплатно, так как аттракционом отец моей Ксеньки заведует.

Дальше разговор перескочил на другие темы: на политику, поговорили о скорых выборах президента; о предпочтениях в литературе: Пашка, к удивлению Максима, много читал, – и в конце концов поехали по друзьям, кто еще оставался в Мезени.

Вечером Максим полчаса побыл с родителями, на ходу перекусил и умчался на встречу с однокашниками, пообещав вернуться пораньше и рассказать о своем консерваторском житье-бытье. Однако на самом деле вернулся поздно, когда все уже спали. Стараясь не шуметь, разделся, залез в ванную, с наслаждением вымылся и тихонько забрался на кухню попить на ночь чаю. Но мама все равно услышала, и они еще час проговорили, делясь новостями.

Спать Максим лег в третьем часу ночи. И приснился ему странный сон, будто принимали у него экзамен по вокалу двое угрюмого вида профессоров: старик в черном одеянии, смахивающем на монашескую рясу, и бородач в таком же черном ватнике, украшенном блестящими змейками и четырехветвистыми спиральками наподобие свастики. Выслушав Максимову песню:

И это – явь? Не сновиденье?
Не обольстительный обман?
Какое в жизни возрожденье!
Я плачу! Я свободой пьян! —

Они замахали руками, закричали что-то на тарабарском языке и выгнали Максима из аудитории. Проснувшись на короткое время, он с облегчением понял, что это был лишь сон, и повернулся на другой бок.

На следующее утро его разбудила бабушка, сообщив, что ему звонили друзья и незнакомый мужчина, назвавшийся Георгием.

– Что ему было нужно? – вяло поинтересовался Максим, нежась в постели.

– Просто спросил, приехал ты или нет. Я сказала, что приехал и спишь.

– Кто он?

– Не представился, только имя назвал, а голос приятный.

– Позвонит еще, если я ему нужен.

Максим полежал еще в постели, гадая, откуда этот Георгий знает его домашний телефон, потом заставил себя встать. В одиннадцать часов его ждал у себя Пашка, чтобы отправиться на экстремальное катание на зорбах. Досадуя, что дал себя уговорить, Максим умылся, позавтракал и поспешил на встречу с той же компанией, с какой вчера «гудел» в ресторане, а потом у Кольки Артюхова дома.

Собрались почти все, кто был, всего восемь человек.

Настроение поднялось.

День был морозным, но солнечным, и молодые парни и девушки забыли на время о своих делах, о работе, о том, что ждет их впереди. Они были вместе, как в школьные годы, и будущее казалось им светлым и бестревожным.

Пока ехали на пристань, возле которой и разместился аттракцион по зорбингу, Пашка рассказал историю этого вида развлечений.

Первый зорб сконструировал еще в прошлом веке, в тысяча девятьсот семьдесят первом году француз Жиль Эберсоль. Получив патент на изобретение, он провел несколько смелых экспериментов: спустился с десятиметрового водопада, с крыши десятиэтажного дома, с вершины горы Фудзияма. Последнее испытание закончилось неудачно: склон горы оказался слишком крутым, и зорбонавт сломал себе обе щиколотки. Это заставило его усовершенствовать крепления рук и ног внутри шара, после чего зорб и начал свое триумфальное шествие по планете.

Отцами русского зорбинга стали предприниматели Монтай Иманов и Алексей Караваев, которые завезли зорб в Россию в две тысячи втором году и поставили производство шаров на поток.

– С тех пор мы тоже катаемся на шарах не хуже французов, – закончил Пашка, довольный реакцией аудитории. – Их спокойно можно приобрести в личное пользование, заплатил штуку баксов и пользуйся.

– Чего же ты не купил? – заметил Коля Артюхов, самый неспортивный из компании; еще в школе он отличался полнотой и весом; однако отказываться от спуска он не решился.

– Да мне зорб ни к чему, – пожал плечами Пашка. – Я не фанат, хотя уже раз десять спускался. Правда, летом, зимой еще не пробовал. Но ощущения, пацаны, – полный улет!

Оказалось, действительно «улет»!

Несмотря на то что вестибулярный аппарат у Максима был довольно прочен, спуск на зорбе с берегового откоса на ледяную гладь реки произвел на него неизгладимое впечатление. Захотелось испытать головокружительное кувыркание внутри прозрачного шара еще раз, тем более что всей компании спуск на зорбах обошелся практически бесплатно (Пашка постарался не ударить лицом в грязь и упросил свою суженую, с которой познакомил всех приятелей, дать им возможность покататься). Довольная и усталая компания разбрелась по домам, пообещав встречаться каждый раз, как Максим заедет в Мезень.

Максим доехал от порта до своей улицы на автобусе, соображая, что будет делать вечером. Его двухдневный «отпуск» заканчивался, пора было возвращаться в Архангельск. Вместе с ним из автобуса вышли двое мужчин, некоторое время шли сзади, потом окликнули:

– Максим Валерьевич, задержись на минутку.

Максим, удивленный обращением – по отчеству его называли редко, – оглянулся.

Мужчины догнали его. Один постарше, с усами и седоватой бородкой, в длинном сером тулупе с меховым воротником, в шапке, второй помоложе, но тоже в летах, невысокий, крепкий, спокойный, внушающий удивительную уверенность и надежность. На нем была

коричневая куртка с капюшоном и обычная кепка, открывающая уши. Только теперь Максим вспомнил, что видел его среди зрителей, наблюдавших спуски на зорбах.

– Кто вы?

– Добрый вечер, – поклонились незнакомцы, и тот, что был помоложе, добавил: – Меня зовут Георгий, я звонил тебе утром.

– Да, я помню, бабушка говорила… но я вас не знаю.

– Пройдемся? – мягким глуховатым басом предложил второй незнакомец. – Да ты не бойся нас, Максим Валерьевич, ничего худого мы не замышляем. А меня можешь звать Иннокентием.

– Я не боюсь… Иннокентий… э-э…

– Просто Иннокентий, – усмехнулся Георгий. – Или волхв Иннокентий.

– Волхв? – недоверчиво пробормотал Максим. – Вы не шутите? Волхвы же… это… из мифов…

– Нет, волхвы не миф. Просто власти не торопятся признать, что история *ведающих* мир людей не кончилась, намеренно искажают истинную информацию, задурили молодым головы с помощью средств массовой дезинформации. Хочешь знать правду?

Максим вдруг проникся терпеливой убежденностью и достоинством подошедших к нему незнакомцев, кивнул:

– Хочу.

– Тогда прогуляемся до твоего дома, покалякаем, если не возражаешь.

Они двинулись по улице, освещенной редкими фонарями, к дому Бусова.

Иннокентий заговорил первым.

Максим сначала больше присматривался к нему, пытаясь по речи, облику и поведению определить его некие «колдовские» качества, потом увлекся рассказом и с интересом дослушал историю Ведической Руси и волхвов, сохранивших древние знания и традиции в условиях тотального истребления древнерусской религии христианами.

– А дальше что? – воскликнул он простодушно, когда Иннокентий закончил.

Новые знакомые Бусова переглянулись.

– На первый раз достаточно, – сказал Георгий, пряча усмешку. – Если захочешь, наши беседы продолжатся.

– Я учусь в Архангельске…

– Не имеет значения.

– Но что вы хотите от меня? Ведь не просто так увидели меня и решили просветить.

– Ты правильно понимаешь ситуацию. Мы давно за тобой наблюдаем. Уж прости за откровенность. Ты хороший человек, еще не избалованный «благами» цивилизации, и у тебя есть одно неоспоримое достоинство.

– Молодость, что ли? – хмыкнул Максим.

– Голос.

– Ну и что? Я пою и собираюсь стать… в общем, буду петь в опере. Или вы хотите, чтобы я бросил?

– Ни в коей мере, – качнул головой Иннокентий. – Навпаки, мы хотим предложить тебе достичь вершин, которых достигают немногие.

– Это каких?

– Во-первых, мы можем помочь тебе овладеть «языком истины», на котором говорили наши предки, языком жизни, языком Природы, который позволит тебе говорить с ее Духами и понимать язык животных и леса.

– Сказки!

– Вовсе нет, и ты это узришь и оценишь. Во-вторых, мы научим тебя петь не только языком и горлом, но и всем телом, что намного усилит энергию твоего воздействия на людей и на мир вокруг.

– Как это можно петь телом? – усомнился Максим, зябко пряча кулаки в карманы полушубка; мороз к вечеру усилился.

– А вот так, – проговорил волхв, и внезапно фигура его стала зыбкой, туманной, над головой заискрились иголочки инея, а затем зазвучала песня, всего две фразы, которые буквально потрясли всего Максима! У него замерло сердце и воздух застрял в легких – от восхищения и радости, настолько чарующ и красив оказался волшебный голос Деемудра.

Замигал и погас фонарь возле дома, словно стыдясь своего бледного света.

В округе залаяли собаки.

Максим выдохнул клуб пара, прошептал:

– Ух ты! Круто!.. Только я ничего не понял…

– Это Дэванагари, – сказал Георгий, – «язык богов». Иннокентий пожелал тебе здоровья и удач.

– А еще раз?

Мужчины обменялись улыбками; Максим почему-то хорошо видел их в слабеньком отсвете окон дома на снегу.

– Ты и сам сможешь петь так же, даже лучше, если проявишь терпение. Твой дар выше моего.

– Вы не шутите?! – Максиму стало жарко. – Тогда я попробую. Только я уезжаю завтра…

– Тебя найдут наши ученики, начнешь заниматься с ними.

– А вы разве не будете меня учить?

– Я присоединюсь позже, – пообещал волхв.

– Спасибо!

– Не повторяй слепо это христианское слово, оно означает – «спаси бог», а нас ни к чему спасать. Лучше говори – благодарю.

– Спа… благодарю, – проговорил сбитый с толку Максим.

– А не за что еще. Проявишь свои способности, поднимешься на горку, тогда и поблагодаришь. Думай, отрок, тебе есть куда идти. Прощай пока.

– До свидания…

Последние слова Максима повисли в воздухе. Волхва и его спутника уже не было рядом, они исчезли, словно растворились в воздухе.

Максим потоптался по скрипучему снежному тротуару, озираясь, подумал, уж не пригрезилась ли ему встреча с носителями русской традиции, как называли себя незнакомцы. И словно в ответ на его мысли фонарь на столбе вспыхнул ярким светом, разгоняя ночную тьму.

Глава 6
Громов

Лежачего не бьют, а терпеливо дожидаются, когда он встанет.

Эту шутку Антон Громов припомнил, с трудом поднявшись утром, чтобы идти на работу. Доплелся до ванной, прополоскал рот, хотя лучше не стало: во рту сохранились особый *шершавый* запах и горечь, характеризующие состояние похмелья. Вчера он с кем-то снова пил пиво, потом какую-то бурду, остальное осталось за кадром. Добирался он до дома, а точнее, до съемной квартиры, которую делил с одним белорусом, подрабатывавшим в Костроме на стройке, уже на автопилоте. Вспомнилось еще одно ироническое изречение: реальность – это иллюзия, вызываемая отсутствием алкоголя.

Криво улыбнувшись, Антон поскреб пальцем двухдневную щетину на щеках и решил не бриться. Дрожали руки. И вообще не хотелось жить.

Петро Дмитрич, сосед, уже ушел. Он вставал рано, а приходил поздно, работал как вол, не жалея сил, чтобы вернуться в Гомель с приличной суммой денег. Антон даже ему иногда завидовал, так как этот спокойный уравновешенный человек имел цель в жизни. В отличие от Громова.

Доев вчерашний салат из одуванчиков и крапивы, Антон запил завтрак чаем с черствым хлебом, собрался кое-как и поплелся на рынок, где подрабатывал грузчиком у одного из коммерсантов, имевшего три продуктовые палатки.

Так он жил уже почти год, уйдя из семьи, оставив жену с детьми в Москве, хотя причина развода так и осталась ему непонятной. Ну, стал выпивать с друзьями, ну, стал задерживаться допоздна на работе; тогда он еще служил в частном охранном предприятии БОКС. Разве за это разводятся? Но Валерия рассудила иначе, подала на развод, и он ушел. Жалел ли об этом? Да, безусловно. А силы воли на то, чтобы вернуться и покаяться, начать новую жизнь, не хватало. Так и жил по инерции полубомжом-полуалкоголиком, от зарплаты до зарплаты, спуская деньги на выпивку, не имея возможности даже купить себе приличный костюм. И зимой, и летом ходил в одном и том же – в застиранных джинсах и джинсовой куртке. Бывший инструктор ГРУ по рукопашному бою. Бывший сотрудник БОКСа. Бывший друг Ильи Пашина, ставшего не то философом, не то рыцарем-джедаем (ха-ха), забывшим о существовании Антона Громова. Бывший муж изумительно красивой женщины Валерии Гнедич. Ну, и бывший отец двух дочурок, двух – и трехлетнего возраста.

Дверь захлопнулась, как всегда, со звуком выстрела.

Пружину надо поменять, мелькнула привычная, не раз всплывавшая мысль.

Он сделал шаг, голова закружилась.

– Осторожно, грузчик, – пробормотал он сам себе. – Шутки кончились, началась лестница.

Антон Андреевич Громов действительно не знал причин частых ссор и развода с женой. Случайным приятелям он говорил: умопомрачение нашло… Соглашался, когда ему объясняли, что есть женщины, люто ненавидящие пьяных, а его жена – из таких. На вопрос же: с чего он запил? – отвечал тем же: умопомрачение нашло, морок попутал, сглазил кто-то, наложил проклятие. О том, что это так и есть, он не думал. Мысли привычно тонули в алкогольной эйфории, и жизнь катилась вниз по накатанной колее, не встречая сопротивления воли. Если это бездумное существование можно было назвать жизнью.

Иногда он ложился спать трезвым, и это было хуже всего. Потому что в голову начинали стучаться воспоминания и мысли о покаянии, мечты о возвращении к семье, желание завязать с паскудной одинокой жизнью и стать человеком, которого все уважают. Но, прому-

чившись таким образом ночь, наутро он находил способ опохмелиться, и все возвращалось на круги своя. Мечты казались несбыточными, а встреча с Валерией и вовсе недостижимой.

Однажды, полгода назад, зимой, он все-таки сорвался в Москву, нашел садик, в который Валерия водила дочерей, долго наблюдал за ними сквозь решетку ограждения, пока они возились в снегу вместе с другими детьми под надзором воспитательницы. Потом его заметила охрана детсада, и ему пришлось доказывать, страдая от унижения, что он не бомж, не похититель детей и не террорист. Вернувшись в Кострому, он было твердо решил бросить пить и не пил три дня, пока кто-то из сердобольных приятелей на рынке, видя его мучения, не предложил «пройтись по пивку». И жизнь снова поскакала галопом.

Антон спустился во двор, постоял, щурясь на раннее ласковое солнце. Июнь в Костроме удался нежарким, спокойным и тихим, что радовало, так как, по слухам, Европа в двух тысячах километров отсюда загибалась от жары.

Ну и пусть, кивнул он сам себе, заставив двинуться привычным маршрутом; на работу он ходил пешком, благо до рынка с его торговыми рядами от улицы Депутатской (Громов жил в старом пятиэтажном доме напротив стадиона «Труд») можно было дойти всего за сорок минут.

Что заставило его выбрать местом жительства Кострому, Антон и сам толком не знал. Сначала он хотел уехать в Нижний Новгород, где жили дальние родственники Громовых по линии отца. Потом подвернулся случай съездить в Кострому с напарником по БОКСу, и Антон, побродив по старинному городу и полюбовавшись его монастырями, уже не захотел уезжать отсюда. Историю Костромы ему поведал приятель, который и дал Громову временный приют; впоследствии Антон съехал из его квартиры, когда понял, что хозяин стал тяготиться его присутствием.

Основание Костромы приписывается князю Юрию Долгорукому, которому понравились места у слияния рек Волги и Костромы; в те далекие времена Горьковского водохранилища еще не существовало. Считается, что датой основания поселения является тысяча сто пятьдесят второй год. С тех пор поселение росло, неоднократно подвергалось опустошительным набегам и разорениям польско-литовскими войсками, немецкими рыцарями, монголо-татарами, новгородскими ушкуйниками, однако отстраивалось вновь и расширялось. В тысяча двести сорок седьмом году оно стало центром Костромского удельного княжества, а в середине четырнадцатого века вошло в состав Московского. В семнадцатом веке Кострома – уже крупный ремесленный город с развитым текстильным, кожевенным, кузнечным и мыловаренным производством.

К нынешним временам город сохранил большинство памятников старины и зодчества, кроме разве что кремля, на месте которого был разбит парк, террасами спускающийся к Волге; в конце одной из его аллей сохранилась «беседка Островского», которую посещал в свое время и Антон.

Однако основными достопримечательностями города считаются Ипатьевский монастырь на территории Старого города, основанный в тринадцатом веке, пятиглавая каменная церковь Иоанна Богослова с шатровой колокольней, возведенная в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году, собор Богоявленского монастыря середины шестнадцатого столетия, церковь Воскресения на Дебре, Городище и музей народной архитектуры и быта, крупнейший в России.

Год назад Антон еще посещал эти места, позволявшие отдохнуть сердцу и измученной душе, однако все реже и реже, и вспоминал о них лишь в те моменты, когда по какой-то надобности проходил мимо.

В половине девятого он был уже у торговых рядов. Поздоровался с хозяином палаток усачом Свиридом, бывшим харьковчанином, переехавшим в Кострому, привычно взялся разгружать «Газель» с товаром – напитками, пивом, водкой. Мысли о жизни более достой-

ной отошли на второй план, а потом и вовсе испарились. Осталось лишь тупое равнодушное ожидание конца рабочего дня.

Освободился Антон в семь часов вечера. Вяло повздорил с хозяином, требуя аванса, получил двести рублей и тут же, на рынке, купил у знакомого бутылку «рвановки», как здесь называли самогон. Выпили на троих, взяв в долю еще одного грузчика, имевшего закусь – огурцы, хвост селедки, лук и полбатона хлеба. Домой Антон отправился не сильно трезвым, но и не совсем пьяным, как говорится – серединка на половинку. Хотелось набраться вусмерть, но какая-то вредная мысль не давала покоя, зудела, тыкалась в болотную мякоть головы и удержала-таки от «продолжения банкета». Мысль была: не попытаться ли самому найти Илюху Пашина? Чего он молчит, экстремал долбаный? Заступник Рода, бля?

В подъезде был какой-то шум. Антон зацепил его краем сознания, привычно поднялся по ступенькам в вестибюльчик с висящими на стенах почтовыми ящиками и лишь после определил источник.

Двое парней били пожилого мужчину. Антон его узнал: это был Иван Амвросиевич, сосед, живущий этажом ниже. Вспомнилась статья в газете, сообщавшая об участившихся ограблениях в подъездах старых домов, не оборудованных домофонными системами. Грабители действовали крайне просто: подкарауливали жертву, били, отбирали деньги, часы, мобильные телефоны и скрывались. Антон стал свидетелем именно такого наглого нападения.

Иван Амвросиевич упал.

Бандиты замерли, увидев смотревшего на них снизу Громова.

На одном была самодельная вязаная маска с прорезями для глаз, открывающая макушку. Он был высокий, белобрысый, узкоплечий, одет в мятые серые штаны и клетчатую рубашку с длинными рукавами. Второй, пошире в плечах, помассивнее и пониже ростом, одетый во все коричневое, маски не имел, зато имел широкую физиономию, заросшую многодневной щетиной, и широкий туфлеобразный нос; шапка черных курчавых волос делала его голову идеальным шаром.

– Отпустите его, – сказал Антон мрачно. – И валите отсюда, пока я милицию не вызвал.

Бандиты переглянулись.

– Сам вали, сявка! – буркнул коричневый. – Вякнешь мусорам – на перо наденем. – Он показал нож.

Черт с ними, не связывайся, пискнул внутренний голос.

Антон посмотрел на шевелящегося на ступеньках Ивана Амвросиевича, шагнул на ступеньку выше.

Грабители подобрались. Тот, что был в маске, тоже достал нож, одной рукой пошарил у лежащего Ивана Амвросиевича в карманах пиджака, вытащил тощий бумажник.

– Положи на место! – нехорошим голосом проговорил Антон.

– Смотри-ка, он еще права качает, гусь об…ный! – удивился клетчатый. – А ну, пошмонай его, Вован!

Коричневый шагнул навстречу Антону, умело держа нож обратным хватом, полосонул им перед собой.

– Замри, паскуда, порежу!

Антон молча ударил его носком кроссовки по голени, перехватил руку с ножом, вывернул и нанес рубящий удар ребром ладони по толстой шее согнувшегося бандита. Тот с приглушенным воплем загремел вниз по лестнице, врезался головой в стену и затих.

– Ах ты, курва вонючая! – изумился парень в маске. – Да я ж тебя щас замочу в натуре!

Он бросился с ножом на Антона, споткнулся о подставленную ногу, охнул и тоже улетел вниз, с грохотом ударился плечом и лицом о перила лестницы, упал на своего подельника.

Антон озабоченно посмотрел на распоротую полу джинсовой куртки, покачал головой; бандит успел-таки зацепить его ножом. Пробормотал вслух:

– Квалификацию теряешь, инструктор.

Иван Амвросиевич зашевелился, попытался сесть. У него наливалась синевой припухлость под глазом и был разбит нос.

Антон подошел, помог соседу подняться, подставил плечо:

– Пойдемте, Иван Амвросиевич, я помогу вам дойти.

– Кто это был? – насморочным голосом прошепелявил сосед, с трудом ковыляя по ступенькам. – Я же никого не трогал…

– Грабители, – ответил Антон. – Хорошо, что я подоспел вовремя.

– Деньги… – Сосед попытался нащупать в кармане кошелек, охнул. – Вот зараза, грудь болит! Ребро, что ли, сломали…

– Ничего, до свадьбы заживет, «Скорую» в крайнем случае вызовите. А деньги ваши целы.

Антон довел Ивана Амвросиевича до квартиры и, не дожидаясь, пока домочадцы соседа откроют дверь, поднялся к себе на пятый этаж. Хмель прошел, нейтрализованный вспышкой давно забытого боевого режима. Захотелось выпить. Поколебавшись немного, Антон сел в спальне на кровать и принялся чинить куртку, порезанную ножом бандита. Мелькнула мысль вызвать милицию, но ушла, не найдя сочувствия у внутреннего голоса.

Антон повесил починенную безрукавку на стул, побродил по комнате, не зная, чем себя занять, ткнулся было к соседу, но Петро Дмитрича еще не было, хотя часы показывали десять вечера. Тогда он решительно вытащил из комода бутылку с остатками самогона, допил, закусил половинкой лимона и лег спать. А через полчаса его разбудил сильный рывок за плечо, он скатился с кровати, разлепил глаза и увидел над собой нависшую фигуру в камуфляж-комбинезоне, в шлеме и маске, с автоматом в руках.

«Бандиты вернулись?!» – мелькнула недоуменная мысль.

Но это были не бандиты – бойцы ОМОНа.

– Не дергайся! – заорал комбинезон, выворачивая ему руку. – Вставай! Пошел! Дайте ему штаны и рубаху!

Еще один комбинезон бросил Громову безрукавку и джинсы.

– Надевай!

Антон с трудом попал ногами в штанины, натянул безрукавку. Ему снова вывернули руку.

– Вперед!

Он хотел было провести прием «выкручивание белья»… и не смог! Тело не повиновалось! А почуявший сопротивление омоновец не стал дожидаться сюрпризов и умело врезал Громову прикладом автомата по затылку.

Антон отключился…

…и осознал себя спустя какое-то время лежащим на полу микроавтобуса, на котором приехала группа ОМОНа.

– По какому праву… – прохрипел он и получил еще один удар – по ребрам.

– Молчать! Рыпнешься – глухим встанешь!

Он затих, понимая, что полномочий разговаривать с задержанным парням в комбезах никто не давал. Надо было подчиняться условиям и ждать объяснений от их начальства.

Через час он эти объяснения получил.

– Гражданин Громов, – сказал ему рыхлый капитан с бочкообразным туловищем, – вы задержаны за умышленное нанесение побоев в пьяном виде гражданам Симаку и Тлеубаеву в подъезде дома номер одиннадцать по улице Депутатской. Возражения по существу дела есть?

– Есть, – сказал Антон. – Я никого не…

Его ударили сзади. Сознание помутилось.

Краем глаза заметив движение, он на мгновение сконцентрировался и в долю секунды нанес два удара – пяткой по пальцам стопы и ребром ладони в нос тому, кто его бил. Омоновец без звука отлетел в угол милицейской дежурки. Но на Антона набросились сразу трое и уложили лицом вниз на дощатый, грязный пол помещения.

– Возражений нет, – сказал капитан равнодушно. – В камеру его.

Антона подхватили под руки, повели из дежурки по коридору с ядовито-зелеными стенами, втолкнули в КПЗ. Дверь с лязгом захлопнулась за его спиной.

Антон выпрямился, держась за пульсирующий болью затылок. На него смотрели шесть пар глаз, принадлежащих задержанным. Трое выглядели так же, как он: помятые, небритые, неухоженные, с вурдалачьими физиономиями. Молодой парень, бритый наголо, в кожаном «прикиде» с цепями и бляхами, лежал на топчане в ботинках. В ногах у него сидела размалеванная девица в коротком платьице и курила, картинно выпуская дым. Еще один обитатель КПЗ – породистый старик в белом костюме – сидел на другом топчане и читал газету.

– Талан на майдан, – улыбнулся один из небритых; только сейчас Антон заметил, что все трое играют в карты. – Пришивайся. Шпилить в стиру умеешь?

Антон поискал глазами место, чтобы сесть, не нашел, молча сел в угол камеры. За что его задержали, он не знал, однако был уверен, что все выяснится, сосед расскажет, как было дело, и его наутро выпустят.

– Эй, фазан, к тебе люди в лоб ботают.

Антон закрыл глаза, расслабляясь.

– Не уважает, паскуда, – удивился предлагавший Громову поиграть в карты. – А не потрюмлить ли нам эфтого ишака?

Двое картежников встали, подошли к Антону, один ткнул ему в ногу носком жеваного ботинка.

– Ты, понтяра, по какому делу канаешь?

– Не приставайте к нему, – проблеял старик в белом. – Видите, человек не в себе.

– Заткнись, бабай, не встревай в канитель. Эй, фофан. – Новый тычок ботинком в ногу. – Застрял, что ль?

Антон не ответил.

– Во падла! С ним по-вялому бухтят, а он сопит и не питюкает!

Носок ботинка больно врезался в голеностоп.

И у Антона лопнуло терпение.

Первым к нарам улетел мужик, трижды ударивший Громова по ноге. Вторым Антон уложил его напарника, вооруженного кастетом. Почему его не обыскали милиционеры, сажая в камеру предварительного заключения, было непонятно.

Третий игрок в карты, самый медлительный и самый здоровый, въехал в ситуацию только после того, как его коллеги успокоились в разных позах на полу камеры. Однако мозгов у него было немного, чтобы понять и оценить противника, поэтому он тоже полез в драку и получил два удара, которые заставили его заорать от боли и окосеть, схватившись за промежность. Антон толкнул его пальцем в лоб, и здоровяк упал на спину, едва не сбив с топчана старика в белом.

– Клево стебаешься! – одобрила Громова девица, окинув его оценивающим взглядом.

В то же мгновение открылась дверь и в камеру ворвались двое громил в милицейской форме, набросились на Антона, орудуя дубинками. В принципе он смог бы отбиться и от них, обладая навыками рукопашника-инструктора на бессознательном уровне, тело само вспомнило бы нужные приемы, но перед ним были не враги, а выполняющие свои обязанности менты, и Антон прекратил сопротивление.

Его ударили в живот, по голове, скрутили и выволокли из камеры.

– В одиночку! – приказал кто-то.

Последнее, что он помнил, был толчок в спину и удар лбом о холодную бетонную стену.

Очнулся Антон в темноте.

Привычно включил все органы чувств, не двигаясь, чтобы никто не мог определить, что он пришел в себя. Вокруг было тихо, как в склепе, сыро и холодно, и он понял, что лежит, скрючившись, на полу тесного помещения без окон и каких-либо деталей, кроме одной: в углу помещения торчал унитаз.

Одиночка, вспомнился голос неведомого начальника. Его действительно бросили в одиночную камеру.

Антон пошевелился, сел, оперся спиной о стену, ощущая пульсирующую боль в избитом теле. Трезво подумал: похоже, я отсюда выйду не скоро. Вряд ли Иван Амвросиевич пойдет в милицию защищать соседа. Скорее всего он даже не понял, кто его вырвал из рук бандитов. А это означает, что дела и в самом деле плохи. Ментам нужна положительная статистика задержания преступников, а он на роль преступника подходит как никто. Итак, Антон Андреич, что будем делать?

Сидеть будем, ответил внутренний собеседник Громова. Лет пять впаяют «за избиение мирных граждан». Но как они нашли его, эти «мирные граждане»? Неужели имеют милицейскую «крышу»? Тогда и свидетели найдутся, которые подтвердят, что ты избивал «мирных граждан». А у тебя никого, ни родных, ни друзей, ни приятелей… Закономерный итог никчемушной судьбы…

«Сам такой! – огрызнулся Антон. – Мы еще поборемся!»

Хотя оптимизма никакого он не испытывал. На душе было смутно и горько. Хотелось плакать. И пить!

Он попытался мысленным сосредоточением снять боль в голове, не смог. Глаза наполнились влагой, шевельнулись губы:

– Ослаб ты, Андреич, однако…

Кое-как устроившись на полу, он закрыл глаза, расслабился, вспомнил жену, девочек, мысленно позвал: Дашутка, Катюша, плохо вашему папке… Показалось, что они его услышали, протянули ручонки. Но тут рядом с ними появилась сердитая Валерия, схватила дочерей на руки, и видение растаяло.

– Лерка, я не хотел… – с тоской прошептал Антон. – Прости меня…

Вспомнилась встреча полгода назад с соседкой, Майей Петровной, занимавшейся сватовством, которая вполне серьезно предложила ему найти женщину для создания семьи. Она и в самом деле была свахой, в прошлом – блокадница, жена дипломата, педагог с сорокалетним стажем, – и делом занималась основательно, подыскивая пары именно для совместной жизни, а не для скорого интима. В ее картотеке значилось более семи тысяч фамилий одиноких мужчин и женщин, ищущих счастья. Оказалось, она знает татарский, персидский, английский языки, и за десять лет работы свахой соединила более трехсот пар. Однако Антон отказался от услуг соседки, точно зная, что лучше Валерии жену не найдет.

– Лерка, хреново мне…

Вскоре он забылся, задремал, очнулся, снова задремал и мучился так до утра, пока за ним не явились те же бугаи в форме, рывком подняли, повели на допрос к следователю, поставили перед столом.

Следователь, худенький мужчина средних лет с неприметным лицом, доходчиво объяснил ему, что, если Громов признается в содеянном, ему дадут от силы два года, а если нет – загремит на нары лет на пять.

– Я не виноват, – ответил Антон, понимая, что его слова ничего для следователя не значат. – Двое грабителей напали на соседа, Ивана Амвросиевича, я вступился. Он может подтвердить.

– Мы опросили жильцов дома, никто из них не подтверждает ваши слова, гражданин Громов. Будете и дальше запираться?

– Мне не в чем признаваться.

Следователь посмотрел за спину Антона.

– Двинь ему в косинус.

Кто-то умело нанес Антону удар по почкам. Охнув, он согнулся и получил еще один удар – по шее. Упал. Но тут же завелся, ослепленный яростью, подсечкой сбил на пол верзилу-сержанта с дубинкой, вырубил его ударом локтя в переносицу, вскочил и в два движения впечатал второго милиционера в книжный шкаф. Раздался вскрик, посыпались стекла, следователь вскочил из-за стола, бледнея.

В кабинет ворвался еще один мент, вытаскивая из кобуры пистолет.

– Стреляй! – завопил следователь. – Он нас всех сейчас…

– Э-э, уважаемые, погодите, – проговорил кто-то спокойно, и Антон только теперь увидел в углу кабинета скромно присевшего на стульчике монаха в черном. – Разрешите, я с ним поговорю.

Загородившийся стулом следователь нерешительно глянул на Антона, на своих коллег, на монаха.

– Он вас…

– Ничего он мне не сделает. – Монах встал, улыбнулся Антону, хотя черные непроницаемые глаза его так и остались «запертыми», не отражая никаких эмоций. – Он законопослушный россиянин, не правда ли, Антон Андреевич?

– Мы встречались? – прохрипел Антон, внезапно обливаясь холодным потом от нахлынувшей слабости.

– Разве что в прошлой жизни. – Монах зыркнул на приходящих в себя милиционеров. – Выйдите покуда.

– Я не имею права… – начал следователь.

Глаза монаха недобро сверкнули.

– Оставьте нас на минуту!

Следователь вздрогнул, махнул рукой помощникам, отправляя их за дверь, вышел следом.

Монах пододвинул стул.

– Присядь, Антон Андреевич, погутарим.

Антон рухнул на стул: ноги не держали, волна слабости дошла и до них, тело казалось рыхлым ватным комом. Служитель церкви перекрестил его одним пальцем, и Антон заметил на пальце черный ноготь. В памяти ворохнулось какое-то смутное воспоминание, связанное не то с монахами, не то с черными ногтями, но утонуло в болотной жиже головы.

– Кто вы?

– Я служу Господину, – дернул щекой монах. – А звать меня отцом Марцианом. Однако речь не обо мне, гражданин Громов. Положение твое незавидное: попытка ограбления, драка, нападение на блюстителей закона…

– Я никого не грабил.

– Допустим, да кто в это поверит, мил человек, ежели ты постоянно пьешь и не контролируешь себя? А свидетели твоих неблаговидных деяний всегда найдутся. Вот и получается, что светит тебе исправительно-трудовое учреждение в Магаданской губернии на долгие годы. Как говорится, люди делятся на две категории: те, кто сидит в тюрьме, и те, кто должен сидеть в тюрьме.

– Не виноват я…

– Э, мил человек, заладил: не виноват, не виноват, – а доказать сие трудно, если вообще возможно.

– Вам-то что? Зачем вы все это мне рисуете?

– Есть возможность избежать наказания. – Монах поднял руку, предупреждая возражения собеседника. – Даже если ты не виноват, тебя уже отсюда не выпустят.

Антон помял затылок пальцами, закрыл глаза: боль не проходила, мешая думать.

– Чего вы хотите?

– Хороший вопрос. Я представляю одну структуру, служащую своему Господину. Присоединяйся, Антон Андреевич, не пожалеешь.

– Что за структура?

– Служба Храма.

– Какого еще храма? Христа Спасителя, что ли?

– Этой службе уже больше десяти тысяч лет.

– А Господин кто? – Антон уловил острый блеск в глазах священнослужителя, перевел взгляд на руку с черным ногтем, и вдруг его озарило. – Уж не Морок ли?!

– Догадливый, – растянул губы в неприятной усмешке монах.

– Ах ты, дрянь! – Антон попытался вскочить, но у него не получилось, ноги не держали, и тело оставалось рыхлым и пропитанным водой как губка. – То-то я думаю, на кого ты похож! Хха!

– Я не хранитель Храма, – качнул головой собеседник. – Я чемор Костромской волости. Хха – мои слуги. Но не суть. Предлагаю подумать и присоединиться к нам. Боевые кондиции ты еще полностью не утратил, и это радует.

– Ни за что!

– Дело твое, мил человек. Если тебе нечего терять… детишек не жалко… тогда покорячься на лесоповале.

– Пошел вон!

– Заходите, – позвал монах.

Дверь распахнулась, в кабинет вбежали следователь и два амбала с дубинками.

– В камеру его, пусть поразмышляет о житье-бытье.

Здоровенный сержант вытянул Антона дубинкой вдоль спины, так что тот свалился со стула, и монах добавил:

– Не перестарайтесь, материал сгубите. Возможно, он мне еще понадобится.

– Вставай! – ударили Антона в бок ногой.

Что было потом, он уже не помнил.

Очнулся в камере-одиночке с разбитым в кровь лицом. С тоской спросил сам себя: что дальше, Громов?

Никто ему не ответил.

Глава 7
Черный Вей

Алексей Ридигерович Балабонов родился тридцатого июля тысяча девятьсот шестьдесят второго года во Владивостоке. Закончил среднюю школу, отслужил в армии и поступил в Высшую Краснознаменную школу (ВКШ) КГБ, на факультет контрразведки. Успешно закончил, после аспирантуры получил ученую степень кандидата юридических наук и был оставлен в ВКШ преподавателем.

До девяносто девятого года карьера Балабонова ничем не выделяла его среди коллег. Интерес к росту он стал проявлять в начале двадцать первого века, когда работал в НИИ «Прогноз», где занимался изучением паранормальных явлений и возможностей их применения в интересах спецслужб.

Его заметили, и в две тысячи втором году Балабонов перешел на работу в Службу безопасности президента России. Был аналитиком, начальником аналитического отдела, заместителем начальника Службы. Занимался вопросами астрологии, оккультизма, телекинеза и парапсихологии. В две тысячи шестом году Алексею Ридигеровичу присвоили звание генерал-майора.

В две тысячи восьмом он вошел в состав Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. Ушел из Службы безопасности президента в бизнес, руководил инвестиционной компанией «Меркурий». А затем его заметил депутат Госдумы Калошин, он же – Черный Вей, эмиссар Морока в России, и предложил иную службу с иными горизонтами и перспективами. И Балабонов без долгих раздумий согласился. Он был уже подготовлен к тому, чтобы поверить в систему Морока и принять предлагаемые условия. Именно он и стал Черным Веем после того, как Калошин ушел в мир Морока вместе с Господином.

Из компании «Меркурий» Балабонов подался в депутаты Государственной думы, а оттуда – в Министерство внутренних дел, где и получил должность замминистра.

В свои пятьдесят лет выглядел Алексей Ридигерович на тридцать: высокий, статный, широкоплечий (недаром служил в Кремлевском полку), с гривой красивых седых волос, лицо мужественное, с волевой складкой губ, подбородок тяжелый, упрямый, а глаза бледно-голубые, с поволокой, производящие на женщин исключительно сильное впечатление. Лишь изредка в них всплывала презрительная искра, характеризующая его отношение к собеседнику и к людям вообще, и тут же тонула в бледной голубизне показного отеческого внимания.

Девятнадцатого июня замминистра вызвал к себе помощника рано утром: по понедельникам он начинал работу в восемь часов.

Помощник явился через две минуты. Он был предельно исполнителен, предан и ради шефа мог пойти на все. Звали его Фатых Дехкиев, он имел звание майора, и в системе министерства его знали как начальника охраны заместителя министра. О том, что он выполняет еще и особо деликатные поручения Балабонова, знали только двое: сам Алексей Ридигерович и чемор Храма Морока Хрисанф.

Фатых Дехкиев родился в Фергане в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. После окончания школы неожиданно для всех легко поступил в МГИМО, закончил, год отработал в Институте мировой экономики и был переведен в Службу внешней разведки России. Балабонов встретился с ним случайно: оба участвовали в Форуме глобальной политики НАТО в Брюсселе, хотя и с разными целями. Познакомились. Будущему Черному Вею нужны были соратники и верные исполнители. Он присмотрелся к Дехкиеву. Молодой чекист произвел на него хорошее впечатление. Особенно понравилось Алексею Ридигеровичу знание образованным молодым человеком приемов рукопашного боя, сам Балабонов увлекался лишь

гольфом. Спустя какое-то время он уговорил президента перевести Дехкиева в Службу безопасности. С тех пор они работали вместе, хотя Балабонов и менял места службы. Будучи уже заместителем главы МВД, Алексей Ридигерович легко устроил Дехкиева своим телохранителем.

Фатых мало походил на узбека. Его матерью была украинка, и он перенял почти все ее черты: круглое лицо, губы сердечком, нос луковкой. Об узбекской крови говорили лишь черные, блестящие как вороново крыло волосы да разрез узких желтых глаз. Однако характером он пошел в отца, известного узбекского оппозиционера, и только казался интеллигентно-мягким.

– Садись, – пригласил Алексей Ридигерович порученца. – Докладывай.

Дехкиев бросил взгляд на картину, висевшую за спиной заместителя министра, сел за Т-образный стол. Картина по сути отражала внутреннее отношение Балабонова к человечеству. На ней была изображена троица, хотя и далеко не святая: первый персонаж убивал кого-то ножом, второй стрелял ему в спину, третий бил дубинкой по голове человека с пистолетом.

– Внешники, – сказал Дехкиев, раскрывая папку.

– Давай, – кивнул Балабонов.

«Внешниками» они между собой называли дела, которые вызывали общественный резонанс и подлежали раскрытию. Существовали еще и «внутренники» – дела, которые не докладывались министру, и работали по ним спецгруппы, подчиненные напрямую Дехкиеву и самому Алексею Ридигеровичу.

– Убийство двух братьев-предпринимателей в поселке Медное Тверской губернии. Преступники почти не оставили следов, но шансы на раскрытие высокие.

– Мотивы?

– Единственная версия – зависть. Братья работали с утра до ночи и не хотели ни от кого зависеть.

– Убили местные или залетные?

– По нашей информации, в поселке завелись «народные мстители», решившие обложить данью местных «кулаков».

– Они для нас представляют интерес?

– Вряд ли «мстители» способны работать по команде, они скоро сядут, судя по отмороженным действиям, и мы ничего не выиграем.

– Тогда пусть их найдут, не мешай следствию.

– Слушаюсь. Еще двенадцать бытовух…

– Пропусти, ими пусть занимаются всерьез.

– Слушаюсь. Убийство депутата Жариновского…

– Это дело на контроле у министра, пусть убийц поймают, если это не наши люди.

– Не наши. Он слишком глубоко копнул связи бывшего премьера, и его убрали.

– Дальше.

– Приватизация оборонного объекта в Туле. К сожалению, следствием вскрыты факты прямого подкупа…

– Дальше, это дело на контроле у Генпрокуратуры, я знаю, кто прокололся, но его свои же уберут, чтобы не растрезвонил обо всей системе.

– Еще дело «оборотней в погонах»…

– Довести до конца и примерно наказать, пусть все видят, что мы чистим свои ряды и радеем за народ. Все?

– Журналисты «Известий» готовят материал по детской наркозависимости. Похоже, у нас утечка информации, так как ими выявлены практически все места продажи наркотиков и основные тусовочные пункты.

– Данные по Москве?

– В том числе. Накрыты Пушкинская площадь – сбыт анаши, гашиша и марихуаны, Манежная и Лубянка – синтетика, «винт», «марки» и лекарственные «колеса», Цветной бульвар, Патриаршьи пруды, Чистые пруды – гашиш, «грибочки», таблетки, Воробьевы горы, Поклонка – марихуана…

– Хватит, все понятно, надо срочно убрать из центра всех поставщиков, система должна работать без сбоев.

– Сделаем. Еще один удар по нашей системе готовит Дума. В соцкомитет поступил материал с анализом коррупции в России на всех уровнях. Правые схватились за него, как за мешок с золотом, и намерены предать гласности.

– Они с ума сошли? – удивился Балабонов. – Глава соцкомитета Яблинский – наш человек!

– Не знаю, у меня на руках только факты.

– Выяснить и доложить! Если это его идея – замочить в сортире! Что в материале?

– Да вся система практически. Все госслужбы, наиболее активные в собирании взяток: ГИБДД – на первом месте, вузы, суды, органы регистрации по месту жительства, военкоматы, агентства по устройству на работу и так далее.

Алексей Ридигерович пригладил ладонью волосы на затылке.

– Кажется, я догадываюсь, чьих рук это дело.

– Чьих?

– Не догадываешься? Давай с трех раз.

– ВЧК.

Балабонов кивнул. Под аббревиатурой ВЧК подразумевалась Вечевая чрезвычайная служба русского Рода, доставившая сети Морока и Черному Вею лично немало неприятностей.

– К сожалению, нам так и не удалось внедрить в их ряды своего человека.

– Надо срочно задействовать чемора.

– Хрисанф стар, ему пора на покой.

– Ничего, послужит еще. Смог же он восстановить Врата.

– Вызвать его?

– Я сам вызову. В апреле в Калуге состоится очередной Сход Союза славянских общин, который будут охранять дружинники ВЧК, надо будет просочиться туда и заморочить одного из дружинников. Хрису это вполне под силу.

– Обычно руководит охраной таких мероприятий кто-нибудь из Витязей.

– Ну и что?

Дехкиев пожал плечами.

– Витязи чуют наших оперов за версту и не проиграли еще ни одного открытого боя.

– Это всего лишь означает, что мы плохо готовим своих бойцов. Сход возьми под личный контроль, да и я помогу. Пора браться за ВЧК всерьез.

– Как скажете.

– Что у тебя по «внутренникам»?

– Мы потеряли одну из ячеек «Хисб-ут-Тахрира» в Тобольске. Я не смог помешать следствию, местные оперативники из антитеррористического центра оказались проворнее. Через две недели суд.

– Что так быстро?

– Тобольский прокурор торопится заявить о себе с целью пойти выше.

– Ячейку всю взяли или кто-то еще остался?

– Захвачены все девять человек, в том числе Азат Сайбаталиев, координатор сети.

– Плохо, надо было хотя бы предупредить исламистов, чтобы действовали поаккуратнее.

– Они и так работали грамотно и тихо, но их кто-то сдал.

– Кто? Свои?

Дехкиев помолчал.

– Не знаю. Может быть, те же родноверцы из ВЧК.

– Найти и доложить!

– Слушаюсь.

Речь шла об одной из организаций «Исламской партии освобождения», сеть которых по всей стране поддерживалась ставленниками Черного Вея для разжигания национальной вражды. Вербовщики этого движения, прошедшие обучение в медресе Башкирии, Татарстана и в спецшколах Тегерана, действительно умели обрабатывать население малых городов России, выбирая в первую очередь неблагополучные семьи, уговаривая людей, склонных к спиртному и наркотикам. Именно этот контингент был наиболее внушаем и легко поддавался «проповедникам», бросая пить и принимая ислам. И именно их легко было натравить на других людей, исповедующих иную веру. Чем слуги Черного Вея и пользовались.

Алексей Ридигерович глянул на часы.

– Что еще? Поторопись, мне надо подготовить доклад министру.

Дехкиев мельком глянул на его руку с черным ногтем на указательном пальце, переложил листочки в папке.

– Нам не удалось переманить на свою сторону господина Фоменко.

Речь шла о председателе правления национального банка «Русь», который поддерживал движение славянских общин и не давал возможности подключиться к денежным потокам системе Морока.

Балабонов нахмурился.

– Он стал нам мешать. Похоже, настала пора действовать радикальнее. Найди исполнителей для… профилактической акции. Фоменко должен сыграть в ящик.

– Насчет этого у меня есть идея. Чемор Костромы Марциан обнаружил там одного из бывших ваших противников, Антона Громова. Его умело подставили, и Громов сейчас сидит в КПЗ по обвинению в избиении мирных граждан в состоянии алкогольного опьянения. Если он не согласится работать на нас, ему грозит заключение от трех до пяти лет.

– Он не согласится.

– Можно попробовать. Мы знаем, где живет его жена с двумя детьми.

– Хорошо, займись этим делом. Потом можно будет поднять крик, что славяне-родноверцы убивают друг друга. Одним ударом убьем двух зайцев: подмочим репутацию славянского Союза и ликвидируем мешающего нам чиновника. Что у нас по иконописцам?

– Убрали пятерых… – Дехкиев не закончил.

– Что мнешься, как красна девица?

– В Чухломе пропали двое наших исполнителей…

– Что значит – пропали? Утонули, сгорели, попали под машину, сбежали за границу?

– Они не вышли на связь. Я послал человека для проверки, он тоже замолчал.

Алексей Ридигерович пожевал губами, подбирая выражение.

– Пошли группу! Езжай туда сам! Исполнители не иголки, наверняка их кто-то видел. А иконописца они успели нейтрализовать?

Дехкиев виновато опустил голову.

– Неизвестно.

– Так выясни! Даю два дня! Потом полетят головы!

– Слушаюсь, товарищ генерал.

– И последнее. – Балабонов чуть расслабился, в три глотка осушил чашку с остывшим чаем. – Разведка Витязей наверняка прознала про Врата. Надо сделать так, чтобы они пошли по ложному следу. Пусть ищут модуль везде, только не там, куда мы его перевезли.

– На Ильмени?

– И не только. Наведите их на Чухломское озеро, на Ладогу, на другие малодоступные места. Пусть повозятся, поищут, пока мы будем готовить выход Господина.

Дехкиев встал, склонил голову.

– Будет сделано. Да придет Тот, Чье Имя Произнесено!

Алексей Ридигерович махнул рукой, включил компьютер.

– Свободен.

Майор вышел.

Компьютер зашелестел вентилятором. На несколько мгновений этот звук усилился многократно, и на вспыхнувшем экране появился алый паучок – иероглиф вызова Господина. Балабонов коснулся иероглифа пальцем с черным ногтем. Раздался странный звук, напоминающий стон. Паучок заполнил собой весь экран, трансформировался в жуткую морду *Зверя*, и монитор преобразовался в объемную колышущуюся фигуру – голову монстра, напоминающую драконью и человеческую одновременно. На Черного Вея глянули ало светящиеся узкие глаза Проекции Господина.

Балабонов быстро надел черные очки. Даже он – также одна из «пси-проекций»-вселений Морока – не мог прямо смотреть в глаза Господину.

– Говори! – шевельнулись губы *Зверя*.

– Все идет хорошо… – начал Алексей Ридигерович бодрым тоном.

* * *

Фатых Дехкиев никогда ни в чем не сомневался. Он мог бы еще два года назад продолжить карьеру разведчика СВР или в крайнем случае дипломата, но, согласившись работать под началом Балабонова и узнав, кто он есть на самом деле, Дехкиев без колебаний начал выполнять его поручения. Не колебался он даже при выполнении «мокрых» дел, относясь к жизни и смерти с философским равнодушием кочевника-азиата, уверенного, что его на том свете ждет обещанный исламскими проповедниками рай. О том, что ждет других людей после смерти, он не задумывался, люди для него стали материалом, необходимым для достижения личных целей. Но и жестоким его назвать было нельзя, просто Фатых Ахметович так жил – вне жизни, не видя бед и горя других людей, прислушиваясь только к своим умозаключениям и руководствуясь в основном физиологическими потребностями. К сожалению, таких людей (которым необходима приставка «не»), формирующих духовный тупик человечества в целом, становилось все больше.

После встречи с эмиссаром Морока в его кабинете в недрах здания МВД Фатых поехал на базу министерства в Барвихе и принялся решать поставленные Черным Веем задачи. А поскольку он привык выполнять спецоперации по ликвидации неугодных хозяину лиц «многослойно», с подстраховкой, то и последнее поручение по банку «Русь» решил подготовить на двух уровнях.

К вечеру того же дня он встретился с Садыком Сейтаковым, одним из лидеров узбекской преступной группировки в Москве, контролирующей кое-какие рынки и сеть мелких магазинчиков. Встреча состоялась в ресторане «Солнечная долина» на Ленинградском проспекте, в отдельном кабинете, позволяющем «не светить» лиц, с которыми контактировал майор.

– Есть предложение, – сказал Дехкиев, когда они выпили и закусили. – Надо убрать одного несговорчивого банкира.

Сейтаков, пожилой, с виду медлительный, смуглолицый, усатый, с проседью в черных волосах, отложил вилку.

– Не, уважаемый, мы на это не пойдем.

Дехкиев налил себе еще вина – пили грузинское, «Саперави», сделал глоток.

– Надо.

Сейтаков помедлил, налил вина и себе, тоже сделал глоток.

– Хочешь нас подставить? Мы банкиров не режем.

– Этого надо убрать быстро и без шума. Расследованием будет заниматься мой шеф, поэтому никто никого не поймает, гарантирую.

– Все равно это…

– Ты мне должен, Садык, забыл? Кто вытащил тебя из ментовки год назад?

– Знаю и готов отблагодарить, но…

– Вот и отблагодаришь. Банкира надо замочить быстро, через два-три дня. Все данные я тебе дам.

Сейтаков, не торопясь, допил вино, щуря и без того узкие глаза.

– Я деловой человек. Что я буду иметь?

– Много. А главное – нашу «крышу».

– Я могу привлечь наемников?

– Это твоя забота. Дело должно быть сделано, а чьими руками – не важно.

– Хорошо, мы сделаем. Но обещай, что подстрахуешь в своих ментовских коридорах.

– Я дважды не повторяю.

– Кто банкир?

– Кирилл Фоменко, председатель правления банка «Русь».

– Не знаю такого. Чем он тебе насолил?

– Не мне – шефу, у них свои расчеты.

– Когда мы его должны кончить?

– Не позднее четверга.

Сейтаков подумал, допил вино, взялся за вилку. Если он соглашался что-то делать, то потом не колебался и не размышлял о необходимости этого шага.

– Что у тебя с пальцем?

– А что? – не понял Дехкиев.

– Ноготь черный.

Майор озабоченно посмотрел на ноготь указательного пальца и пробормотал:

– Ничего… ушиб…

Глава 8
Пашин

Он вышел на край поля, чувствуя спиной успокаивающую прохладу леса, посмотрел на полуденное солнце: над полем дрожало марево нагретого воздуха, напоенное ароматами цветущих трав. Захотелось, как в детстве, упасть в траву навзничь и уйти взглядом в синеву небес, раствориться в них. Но было слишком жарко.

Илья шагнул обратно в лес, собираясь окунуться в его живительную тень, и вдруг краем глаза заметил белое пятнышко, возникшее посреди поля. Оглянулся.

По полю шла девушка в белом сарафане.

Екнуло сердце.

Илья раскинул руки:

– Владислава…

Девушка махнула призывно рукой, побежала навстречу, не приминая травы босыми ногами, быстрая, как ветер, легкая, как дымка, затем свернула и побежала обратно.

Пашин бросился за ней, крича безголосо:

– Слава! Погоди! Это же я! Слава…

Девушка остановилась, искоса глянув на преследователя.

Илья споткнулся.

Это была не Владислава. Очень красивая смуглянка с пунцовыми губами, волосами вразлет, с диким взглядом зеленых глаз, но не его жена.

– Что остановился? – пропела она смешливо.

– Кто ты? – сдавленным голосом проговорил он.

– Аль не узнал? Полуденница я. Иди ко мне, добрый молодец, я тебя не обижу.

Илья мотнул головой, отступил на шаг. Перед глазами поплыл туман, голова отяжелела, ноги налились свинцом.

– Иди своей дорогой…

Девушка откинула головку так, что взметнулись волосы, засмеялась, ее смех перешел в глухой обморочный хохот, она растопырила пальцы с черными ногтями и бросилась к Пашину, превращаясь в уродливую беззубую старуху с черным провалом рта.

Илья дернулся назад… и проснулся в холодном поту, подхватился на кровати с колотившимся о ребра сердцем.

Рассвело. В окно спальни упал первый луч встающего солнца. Пели птицы. Свежий утренний ветерок шевелил занавеску.

Илья мысленным усилием унял сердцебиение, помял лицо ладонью, лег на спину, глядя в потолок. Сон встревожил. Из дальних далей сквозь зыбкое марево памяти на него смотрели глаза Владиславы, вопрошая, куда он подевался. Но ответить ей было нечем. Хотя стоило поднять трубку телефона и позвонить…

Волевым усилием Илья подавил и это желание. Владислава осталась в Москве. Он же теперь жил в Подмосковье, отдельно от жены, хотя до сих пор было не совсем понятно, как это случилось. Ревность взыграла ни с того ни с сего? Или была-таки причина?..

Он бросил взгляд на часы: половина шестого, рано еще, некуда торопиться, – попробовал уснуть, но разбуженная память повела по знакомым тропинкам, увлекла в прошлое, и отстроиться от воспоминаний оказалось непросто. Лишь через час он наконец осилил сам себя и встал. Сделал зарядку, включающую в себя дыхательные практики живы и тренировку «трансцендентного» зрения: он научился подключаться к зрительным системам насекомых, птиц и зверей и мог теперь смотреть на мир их глазами.

Для эксперимента Илья подключился к поющему на дереве под окном луговому чекану, и с минуту в глазах мелькали искаженные смазанные картины дома, деревьев, каких-то туманных фигур, – в зеленоватом отблеске, с неожиданно четкими вспышечными деталями: птица «автоматически» выискивала пищу (в поле зрения неожиданно на мгновение *останавливались* летающие насекомые) и отмечала несущие опасность движения окружающей среды. Ничего особенного не обнаружив, Илья вышел из поля зрения чекана, и тот, замолчав на пару секунд, снова завел свою скрипучую песенку: хи… чек-чек… йе… чек-чек… чиерр…

Уже больше года Пашин после ухода от жены снимал комнату в подмосковных Дубровицах, устроившись в охрану банка «Русь». Сначала он работал рядовым охранником, потом начальником смены, в настоящее же время уже руководил всей охраной и разрабатывал системы мероприятий по пресечению бенчмаркинга.

До прихода в банк Илья не имел ни малейшего понятия, что такое бенчмаркинг. Лишь позже выяснилось, что это обыкновенная конкурентная разведка, основанная на сборе закрытой информации о рынке и работе конкурентов в данной области. Пришла пора и банку «Русь» заняться этой проблемой, поскольку и им занялись мощные финансовые системы, работающие на олигархов и государственные структуры с их полностью коррумпированной властной вертикалью. А действовали конкуренты очень изобретательно. К примеру, банк «Юфул» заявлял о несуществующей вакансии, предлагал зарплату выше, чем в других банках, и просил рекрутера рассказать о том, чем он занимался на прежнем месте и чего достиг. Естественно, кое-какие тайны работы других банков переходили к работодателям, хотя принимать новых сотрудников тот же банк «Юфул» и не собирался.

Столкнувшись с этой проблемой, глава банка «Русь» Кирилл Иванович Фоменко попросил заняться ею Пашина, и Илья вынужден был изучать непривычный для него сектор деятельности, понимая, что отказываться не имеет права. Да и расписываться в собственном бессилии он не любил.

Уходя от жены, Илья оставил ей все, в том числе и машину. Поэтому в Дубровицы и из Дубровиц в Подольск, где находился офис банка, он ездил на общественном транспорте либо изредка брал такси.

Почему фантазия забросила его в этот старинный русский поселок, Пашин и сам толком не понял. Встретил приятеля Мишу Зуева, который жил в Дубровицах, тот предложил заехать к нему в гости, так Илья и оказался в Подмосковье, сохранившем постройки старинной помещичьей усадьбы: церковь Знамения Пресвятой Богородицы тысяча семьсот четвертого года, дворец, три флигеля и липовый парк.

Современные Дубровицы расположены у слияния рек Десны и Пахры, в шести километрах от Подольска. Первое же упоминание о селе известно еще с тысяча шестьсот двадцать седьмого года, когда в писцовых книгах появилось сообщение: «В Молоцком стану за боярином Иваном Морозовым старинная вотчина село Дубровицы на реке Пахре». При Морозовых в селе и были построены деревянная церковь Ильи Пророка и усадебный дом. Впоследствии деревянная церковь была разобрана и перенесена, а на ее месте в конце семнадцатого века началось строительство каменного храма.

Усадьба Морозовых на протяжении двух веков переходила из рук в руки князей Голицыных, Потемкиных и фаворитов царей и цариц, пока в тысяча девятьсот девятнадцатом году не стала музеем дворянского быта, просуществовавшим всего восемь лет. Затем экспонаты музея были вывезены в Москву, Серпухов и Царицыно, а в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году здание усадебного дома сгорело и было восстановлено лишь в семидесятом.

Поскольку с тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Дубровицах начал работать Всесоюзный научно-исследовательский институт животноводства, то на него и возложили

уход за усадьбой. Но церковь была возвращена прихожанам только в девяностом году двадцатого века. С августа две тысячи третьего года на территории усадьбы начались восстановительные работы, которые продолжались и в тот момент, когда в Дубровицы приехал Пашин.

В принципе усадьба и являлась главной достопримечательностью поселка, выросшего на береговых склонах Пахры и Десны. Сам поселок был невелик, но и в нем уже появились современные дома и коттеджи, принадлежащие подольской знати. Миша Зуев, приятель Ильи, бывший путешественник-экстремал, к «знати» не принадлежал, Дубровицы просто были его родиной. Здесь жили его прадеды и деды, и от них сохранился столетний деревянный двухэтажный дом, не слишком красивый и шикарный, но добротный и уютный. Правда, Илья прожил у приятеля всего полгода. Потом устроился на работу в банк в Подольске и снял квартиру в тех же Дубровицах, чтобы ни от кого не зависеть.

Холодный душ взбодрил. И Илья занялся завтраком.

Когда лишних денег не водилось (да и бывают ли они, «лишние» деньги?), он в летние месяцы собирал зелень: крапиву, щавель, чеснок, укроп, – добавлял вареное яйцо, майонез и делал изумительно вкусные салаты. А потом так пристрастился к ним, что и в нынешние «сытные» времена питался в основном тем, что мог собрать или купить на местном рынке. К примеру, в четверг он сварил себе отличный свекольник с кефиром и ел два дня. А в субботу изготовил салат из одуванчиков, ингредиентами которого стали кедровые орешки, листья одуванчика и салата, петрушка, вареное яйцо, майонез и цедра лимона. Соль, как говорится в таких случаях, – по вкусу.

Нынешний завтрак (понедельник, девятнадцатое июня, по прогнозу – жара под тридцать, грозовые ливни) прошел под знаком «легкого недонасыщения». Илья съел творожную закуску: творог, сметана, мелко порезанный зеленый лук, укроп, петрушка и ягоды земляники, – запил лимонным чаем и отправился на работу.

Дом, в котором он снимал квартиру, стоял недалеко от нового здания Института животноводства, за которым начиналась территория конного двора с красивыми каменными арчатыми стенами. Миновав двор, Пашин влился в худенький поток сельчан, спешащих к автобусам, полюбовался резным каменным фасадом церкви Знамения со скульптурами апостолов у основания столпа храма и сел в автобус, за четверть часа довезший его до центра Подольска. Выходя из автобуса, он почувствовал спиной чей-то прицельный взгляд, оглянулся, но увидел лишь спину человека в монашеской рясе, скрывшегося в толпе горожан.

Сердце потревожил укол совести: вспомнилось расставание с Антоном Громовым и Валерией три года назад, после известных событий на озере Ильмень. Поначалу они перезванивались, потом перестали. Где-то Гром сейчас? Почему не напоминает о себе?

Сам-то давно их вспомнил? – с укоризной проговорил внутренний голос. Был же в Москве неоднократно, почему не заехал?

Надо будет позвонить, виновато отозвался Илья.

Не просто позвонить – найти, навестить, узнать, как дела, и, может быть, помочь.

Почему ты думаешь, что Гром нуждается в помощи?

Интуиция.

Илья кивнул. Интуиция действительно подсказывала ему, что у Антона не все благополучно в жизни. Его надо было отыскать.

Внимание привлекло движение на дороге. Машины скопились у светофора, заполнив все четыре ряда. А между ними медленно пробирался мотоцикл с двумя седоками в шлемах. Вели они себя необычно: нервно вертели головами и зачем-то осматривали каждую машину. Затем тот, что сидел впереди, вынул из-под себя бейсбольную биту.

Удар по боковому стеклу бежевой «КИА Соренто». Стеклянные брызги! Сидевший сзади мотоциклист нырнул в разбитое окно, выдернул из машины кейс. Водитель дал газ…

Это были барсеточники, избравшие для достижения цели самый простой метод: разбить стекло автомашины, схватить с сиденья сумочку или дипломат и скрыться на мотоцикле. Наверное, они бы так и ушли с кейсом, так как ни ограбленный водитель, ни его коллеги в других автомашинах не успели бы даже выскочить. Однако, на беду «шумахеров», им пришлось податься вправо, чтобы объехать автобус и миновать перекресток, где стоял Пашин.

Тело сработало само собой, без подсказки сознания. Илья сделал шаг вперед и точным движением толкнул руль мотоцикла. Мотоцикл – отличной динамики ровер «Судзуки» – занесло, водитель не справился с управлением, слишком резко вывернув руль, и «Судзуки» упал на бок. Оба «шумахера» с воплями покатились по асфальту.

К счастью, это произошло в тот момент, когда один поток автомобилей остановился, а поперечный еще только трогался с места по указке светофора.

Мотоцикл врезался в бампер «Газели». Автомобили разом замерли.

Неудачливые грабители, вскочив на ноги, попытались оседлать своего «коня», но не успели. Выскочивший из «КИА» владелец кейса и спешащий к месту аварии постовой патрульной службы подскочили к мотоциклистам и скрутили обоих.

– Вот гады, что делают! – раздался негодующий женский голос. – Средь бела дня на бедных мальчиков набрасываются!

Илья оглянулся на возмущенную «несправедливостью» женщину средних лет, пышнотелую, в золоте, с сигаретой в руке, встретил взгляд одного из мужчин, оказавшегося свидетелем нападения грабителей на автомобилиста.

– Шкворень им в диафрагму! – проворчал мужчина. – Подонки в коже! Сколько уже таких случаев было. А эта дура их защищает!

– Кто дура?! – взвизгнула дама.

– Она не разобралась, – мягко сказал Илья.

– Зачем же крик поднимать? – Мужчина нехорошо посмотрел на женщину. – В свидетели пойдете, гражданка?

– Что ты… а? – не поняла пышнотелая. Потом сообразила, что ее оппонент может оказаться штатским сотрудником милиции, и быстро пошла прочь.

– И все ушло в свисток, – ворчливо добавил мужчина.

Илья засмеялся, кинул взгляд на сцену с задержанием и продолжил путь.

В девять часов утра он был уже в банке. Из своего маленького кабинетика позвонил управляющему.

– Зайди, Илья Константинович, – ответил ему Фоменко. – Есть разговор.

Пашин проверил состояние систем охраны банка, перекинулся парой слов с дежурным по смене, заглянул в компьютер и направился к председателю правления.

Кириллу Ивановичу Фоменко исполнилось тридцать семь лет, то есть на семь лет меньше, чем Илье. Где он работал раньше, Пашин не знал, да и не интересовался. Было известно лишь, что Фоменко закончил московский иняз и какое-то время участвовал в организации Российского движения против нелегальной иммиграции. И только потом стал одним из основателей национального банка «Русь».

Выглядел Кирилл Иванович по-спортивному подтянутым, жилистым, энергичным, а на вопрос Пашина: каким видом спорта он занимается? – ответил как-то с улыбкой:

– Я автогонщик.

Впрочем, он наверняка не был чужд физкультуре и поддерживал себя в хорошей физической форме. Именно поэтому он отказывался от личного телохранителя, несмотря на разгул в стране терроризма.

– Доброе утро, – встал он из-за стола, протягивая Пашину руку; на управляющем был белый костюм без галстука и черная рубашка, на лацкане пиджака красовался серебристый значок в форме молнии. – Присаживайся, Илья Константинович. Как дела?

– Нормально, – ответил Илья, мимолетно вспомнив свой подутренний сон. Разгадать, что сей сон означает, пока не удалось.

Они сели. Фоменко нажал клавишу селектора.

– Маша, принеси нам кофе.

– Мне минералки, Кирилл Иванович.

– И боржоми. – Фоменко подвинул на краешек стола красную папочку. – Почитай на досуге, Илья Константинович.

– Что это?

– Кое-какие документы, факты и аргументы… – Он замолчал, улыбнулся. – В рифму заговорил. Ты знаешь, чем я занимался до нынешней службы?

– Нелегальная иммиграция.

– Верно. А кроме этого, еще и деятельностью разного рода религиозных сект на территории России. Здесь – данные мониторинга по количеству и роду деятельности и по воздействию сект на российский народ. Кроме того, еще и программа ликвидации сект.

– Интересно, – подвинул к себе папку Илья.

Зазвонил телефон. Фоменко снял трубку.

– Слушаю… да, на месте… сегодня же… говори…

Илья раскрыл папку, полистал с любопытством. О сектах на территории России он не только знал не понаслышке, но и сам участвовал три года назад в ликвидации одной, исповедующей сатанинский культ Морока, извратившей священные символы русского ведизма, в том числе – удивительной силы и жизни символ фаллоса. В папке же лежали документы, раскрывающие суть деятельности чуть ли не двух сотен сект, мракобесных и сатанинских в том числе, и лишь сейчас Пашин вдруг осознал масштабы сети Морока, опутавшей сектантской паутиной весь мир.

Внимание привлекла секта под названием «Мрак».

Сердце сбилось с темпа.

Вспомнились бои с ххa – служителями Храма Морока на берегах озера Ильмень. Как давно это было… и как недавно – всего три года назад! А он ведь практически ни разу не вспомнил об этом! Почему? Отчего? Кто закрыл заслонку памяти, перекрыл канал воспоминаний? Непонятно… Морок, затмение… Он бы и не вспомнил, если бы не эта папка с документами. Может быть, секта «Мрак» как-то связана с культом Морока?

Илья долистал папку, остановился на программе ликвидации сектантства.

«Депортировать все нелегальные секты с территории России. Процедуру депортации осуществлять за счет самих сект, как правило поддерживаемых финансово из-за рубежа.

Максимально ужесточить местное и федеральное законодательство, принять специальный федеральный закон по борьбе с особо опасными сектами, использующими в своей практике психотронную технику и специальные психолингвистические практики.

Создать в каждом регионе страны органы наблюдения за деятельностью сект…»

– Заинтересовался? – отвлек Пашина от чтения вопрос управляющего, закончившего разговор по телефону.

– Да, – кивнул Илья, откладывая папку. – В свое время я сталкивался с сектантской деятельностью, это и в самом деле очень опасная хрень.

– Согласен, – белозубо засмеялся Фоменко. – Эта «хрень» действительно весьма опасная зараза. Организаторы сект играют на самых низменных чувствах людей – эгоизме, зависти, лени, желании иметь все и не работать, – вбивая в головы послушников басни о том, что они, как некогда библейский Иисус, готовы взять их грехи на себя. А людям нравится,

с них сняли ответственность за любой поступок, и теперь всем разрешено грешить, лгать, воровать, обманывать, подличать. Мессия все равно простит, только покайся.

Илья слушал, удивляясь горячности управляющего банком, которому вовсе не обязательно было заниматься подобными вещами. Но Фоменко неожиданно открылся с другой стороны, и Илья невольно подумал: уж не связан ли Кирилл Иванович с Витязями Родовой защитной службы?

Фоменко остро посмотрел на собеседника.

– Думаешь, у нас ничего не получится?

Илья закрыл папку, подумал.

– Радикальными методами с этой бедой не справиться. Нужен институт воспитания…

– Ты не дочитал. О воспитании в этом документе тоже есть свои положения. Слышал что-нибудь о деятельности родноверческого Союза славянских общин?

Илья кивнул.

– Читал… и кое-кого знал в свое время.

– Деятелями Союза уже разработана программа патриотического воспитания молодежи и создана сеть школ. Одна из них известна уже лет десять.

– Школа Щетинина…

– Значит, и ты слышал, что уже само по себе хорошо. Но кроме школ Щетинина работают еще и семинары Холошни, и школа Родноверия, Коляда, круг Бора и другие. Однако проблема глубже и опасней, вот почему необходимы наравне с воспитательными радикальные меры. И очень нужно, чтобы настоящие заступники нашего Рода принимали в таких делах активное участие.

Илья поймал умный, с хитринкой взгляд управляющего, подумал: уж не знает ли он, что я посвящен в Витязи? И не для того ли завел разговор о сектах? Что, если он послан Георгием, чтобы напомнить о правах и обязанностях заступников и Витязей?

– Извини, Илья Константинович, что гружу тебя с утра чужими заботами, – погасил свой оценивающий взгляд Фоменко; слово «чужими» он выделил интонацией. – Но мне необходимо знать твое мнение.

– Я обязательно прочитаю, – пообещал Пашин.

– Ну и славно. Во времени не ограничиваю, когда прочитаешь, тогда и поговорим. А пока у меня к тебе просьба. – Кирилл Иванович вдруг смутился. – Мои коллеги почему-то решили, что мне позарез необходима личная охрана. Если бы это предложил кто-то другой, я бы просто посмеялся, но все они – опытные и мудрые люди, поэтому…

– Понял, – кивнул Илья. – Не проблема.

– Приставь ко мне на какое-то время кого-нибудь из наших парней, кому ты доверяешь.

– Телохранитель – профессия иного плана, нежели охрана объекта. Первое время я сам вас посопровождаю, пока не найду подходящую кандидатуру, а потом посмотрим.

– Договорились, – с облегчением сказал Фоменко; впечатление было такое, будто он боялся, что Пашин откажется. – Командуй парадом. Что я должен делать в первую очередь?

– Пока ничего, – улыбнулся Илья. – Просто предупреждайте меня заранее, куда собираетесь ехать и с кем встречаться, остальное по ходу дела. И дай бог, чтобы никакого «дела» не случилось.

– Да кому я нужен? – развел руками Фоменко. – Ни крутых коттеджей, ни крутых машин, ни счета за бугром… И тем не менее спасибо за согласие.

– Не за что. – Пашин встал, взял папочку. – Жду распоряжений.

До конца дня он занимался своими рутинными делами, изучал тактику агентов бренч-маркинга, переписывался с коллегами по электронной почте и прикидывал варианты охраны «клиента», которым неожиданно стал для него управляющий. В семь часов вечера Фоменко сообщил ему, что едет домой.

– Я готов, – ответил Илья.

В начале восьмого они покинули офис банка, занимавший почти весь первый этаж трехэтажного здания в центре Подольска, на улице Царицынской (в здании, кроме банка «Русь», арендовали помещения еще несколько крупных контор), и Пашин сел за руль фоменковской «Ауди-6» пятилетней давности.

– Я сам поведу, – заикнулся было управляющий.

Но Илья остался непреклонным:

– Вот теперь вам придется выполнять все мои требования, Кирилл Иванович. Садитесь сзади и предоставьте мне действовать по своему плану.

– Хорошо. – Фоменко устроился сзади. – Хотя и непривычно чувствовать себя пассажиром, а уж тем более VIP-персоной.

– Ну, для подобных ощущений нужен джип с охраной.

Фоменко засмеялся.

– Ты прав. Хотя на джип я не претендую.

Отъехали от здания банка, и тотчас же Илья заметил двинувшуюся за ними серую «Нексию». Заговорила интуиция. Сам собой включился режим «сторожевой паутины». Илья стал замечать мельчайшие детали обстановки и предугадывать появление любых препятствий и задержек на пути следования.

Он попробовал прибавить газу.

«Нексия» слегка отстала, но тут же умело сократила разрыв. К тому же следом за ней держалась, как приклеенная, еще одна легковушка – седан «Хендэ Соната», и Илья окончательно убедился в том, что за ними увязался «хвост».

– Кирилл Иваныч, у вас есть друзья или приятели, имеющие серую «Нексию»?

Фоменко почесал за ухом.

– Вроде бы нет.

– А серебристую «Хендэ Сонату»?

– Тоже нет. А в чем дело?

– Нас преследуют именно эти тачки, причем, по-моему, без номеров.

Фоменко оглянулся.

– Не оглядывайтесь, – предупредил Илья. – Держитесь покрепче, попробуем ехать в режиме стрит-рейсинга.

«Ауди» резко увеличила скорость, обогнала крайний левый ряд потока по встречной полосе и проскочила светофор на желтый свет. Машину подбросило на вспучившемся асфальте, мелькнули оранжевые робы сидящих на бордюре дорожных рабочих.

– В России две беды, – проворчал Фоменко, – и одна из них вечно ремонтирует другую.

Илья на шутку не ответил.

«Нексия» и «Хендэ» отстали. Но Илья продолжал выжимать из мотора и из дорожной ситуации максимум преимуществ, зная, что преследователи также постараются сделать все, чтобы не отстать. За время работы в банке он успел неплохо изучить город и знал, где может попасть в пробку, а где нет. Поэтому не просто крутил баранку, а с таким расчетом, чтобы его маневры максимально затруднили преследователям путь и, с другой стороны, не сбили саму «Ауди» с дороги домой.

Фоменко жил на окраине Подольска, в районе водной станции на Пахре, всего в десяти километрах от центра города. «Ауди» пролетела это расстояние, с учетом зигзагов и поворотов, за шесть минут.

– Я думал, что никто не гоняет быстрее меня, – сказал управляющий с восхищением, – но ты меня превзошел! Никогда не участвовал в гонках?

– Приходилось… неофициально.

– Понятно. – Фоменко оглянулся. – Отстали? Может быть, ты ошибся?

Илья загнал машину во двор пятиэтажки, где жил управляющий.

– Быстро выходите!

Фоменко посерьезнел, выбрался из кабины.

– А ты?

– Я подожду здесь немного и присоединюсь. Есть кто дома?

– Жена с дочкой отдыхают в Крыму, у родственников, теща на даче, так что я один. Лето…

– Это хорошо. Будьте готовы вызвать милицию.

– Что, так серьезно?

– Боюсь, более чем.

– А можно, я позвоню друзьям?

– Зачем?

– У них собственная служба безопасности…

– Не служба защиты Рода случайно? – вспомнил Илья Витязя Георгия.

– Я не знаю, как она называется на самом деле, ребята охраняют разные объекты славянских общин…

– Звоните!

Фоменко кивнул, помедлил немного, скрылся в подъезде.

Илья расслабился на несколько мгновений, пребывая в состоянии «сторожевой паутины». Мелькнула мысль, что он напрасно поднял тревогу, затеял гонки по Подольску, и преследователи ему только померещились. Однако через полминуты во двор влетела серая «Нексия», и все встало на свои места. Преследователи существовали реально.

Илья дождался, пока «Нексия» остановится в двух десятках метров от «Ауди», рванул дверцу и взял темп.

Такой прыти от него никто не ждал.

В кабине «Нексии» сидели трое: смуглолицый водитель с сигаретой в зубах, в майке на загорелом торсе, и два амбала с одинаковыми квадратными физиономиями, один – славянской внешности, стриженный «под ноль», второй – узбек или казах, оба в черных футболках. От них несло пивом и *опасностью*, исходившей от обоих невидимым, но ощутимым облаком: оба были вооружены.

Во двор медленно въехала серебристая «Соната».

Счет пошел на доли секунды.

Илья рванул дверцу машины со стороны заднего седока, нащупал у него под мышкой кобуру и в два движения – футболку вверх, ладонь на рукоять – выдернул пистолет («макаров-2М», весьма неплохая машинка). Только после этого парень лапнул свое оружие, но получил удар пистолетом в нос и отвалился к другой дверце, потеряв сознание. Илья спихнул его дальше, влез в машину, сунул дуло пистолета в могучую шею начавшего разворачиваться амбала на переднем сиденье.

– Замри!

Оглянувшийся водитель протянул было руку к бардачку, но Илья ткнул его пальцем левой руки в шею, и тот отшатнулся, ойкнув и теряя сигарету изо рта, напомнив известную басню о вороне с куском сыра и лисице.

– Сидите тихо! Будете шебуршиться – сдам всех в милицию инвалидами! Подними руку с пистолетом вверх! Медленно! Возьми пистолет двумя пальцами. Так. Протяни мне, медленно!

Амбал на переднем сиденье повиновался, понимая, что шансов выстрелить первым у него нет.

Илья взял пистолет левой рукой («волк-2», классный шмалер!), направил дуло в бок водителя.

– А теперь быстро отвечайте на вопросы, причем истинную правду, как на исповеди. Кто вас послал следить за Фоменко?

Водитель и его спутник переглянулись.

Илья уловил этот мгновенный обмен взглядами – не лохи сидят, хотя и не профессионалы спецслужб, – выстрелил из «макарова» таким образом, чтобы пуля прошла между седоками и застряла в двигателе.

Оба вздрогнули в испуге: выстрел в кабине с закрытыми дверями и стеклами прозвучал оглушающе, хотя вряд ли был слышен снаружи, нейтрализуемый внешними городскими шумами.

– Ну?!

– Бек… – просипел водитель.

– Кто это?

– Бугор…

– Имя, фамилия!

– Садык… Сейтаков…

– База?

– Что?

– Судя по всему, вы не местные, птицы залетные, где базируетесь?

– В Москве… рынки пасем…

– Зачем вам Фоменко?

– Бек приказал… мы исполняем…

– Приказал что? Следить? Напугать? Замочить? Быстро говори!

– Замочить…

– За что?

– Мы не знаем… он встречался с кем-то… из органов…

– С кем?

– Не знаю… – Водитель отвел глаза.

Бандит рядом с Ильей начал приходить в себя, черноволосый, смуглый, с усиками, и Пашин безжалостно послал его в нокаут еще раз.

– Считаю до трех! Раз… два…

– Я его совсем не знаю, падлой буду! – заторопился водитель. – Видел два раза… это какой-то фитилистый мент, Бек назвал его Фатых…

Илья боковым зрением отметил движение серебристой «Сонаты», заторопился.

– Возвращайтесь на базу, господа мокрушники, и передайте своему боссу, что, если он хочет жить, пусть оставит банкира в покое. Иначе я лично заеду к нему на хазу и устрою пожар! И пусть не надеется на «крышу»! Мы этого тихаря из органов – Фатыха найдем. Я доходчиво объясняюсь?

– Ты же один… – не выдержал стриженый амбал, обнаруживая недюжинные аналитические способности.

– Это вы видите одного, – усмехнулся Илья. – А если внимательно присмотритесь к пейзажу, то увидите как минимум три ствола, любующихся вашими рожами. Ну так как, договорились или мне для вящей убедительности надо кого-то списать в расход?

Илья передернул затвор «волка».

Это подействовало.

– Мы обрываемся…

– Отлично! Эй, коллега, достань-ка пушку из бардачка, – обратился Илья к амбалу. – А то она покоя не дает твоему напарнику. Медленно, рукоять вперед.

Стриженый передал пистолет – еще один «макаров», но старый, образца семидесятых годов прошлого века.

Илья разрядил его, бросил под водительское сиденье.

– А эти пушки я заберу с собой. Звони коллегам в подъехавшей «Сонате».

– Кому? – сыграл удивление водитель.

Илья ткнул пистолетом ему в ухо.

– Не клей казака! Звони! Скажи им, пусть уезжают.

Водитель достал мобильник, набрал номер:

– Муся, сваливаем отсюдова… Да не бузи, тут все схвачено, локш потянули…. Встретимся на шиве, у моста… Не, нас тихарь пасет, фишку рубишь?!

Серебристая «Соната» тронулась с места, выехала со двора.

– Дай трубу, – сказал Илья. Взял мобильник, нажал несколько кнопок: – Второй, я Первый, проследи за серебристой тачкой… задерживать не надо… я уже выпуливаюсь. Конец связи.

Илья стер набранный номер из памяти телефона, кинул трубку водителю.

– Свободны! Пока. Еще раз увижу ваши рожи или замечу слежку – спущу всех своих собак! Уяснили?

Оба бандита дружно кивнули. Действия, манера держаться и переговоры Пашина произвели на них впечатление.

Илья вылез из «Нексии», сунул пистолеты под мышки, под рубашку, показывая, что готов пустить их в ход в любую секунду.

«Нексия» с трудом развернулась во дворе и уехала.

А Илья трезво подумал, что теперь придется работать по прикрытию Кирилла Ивановича всерьез, по полной программе, иначе неведомого Садыка Сейтакова по кличке Бек не остановить.

Кто-то посмотрел ему в спину. Он резко обернулся.

К нему вдоль шеренги автомашин подходил пожилой мужчина в обычной летней одежде, с простым русским лицом, отмеченным сеточкой морщин под глазами и у губ, чем-то похожий на все того же Георгия, Витязя на службе Рода. Сверкнули голубые глаза, на губах обозначилась легкая улыбка.

– Илья Константинович?

– Здравствуйте, – пробормотал Пашин, догадываясь, что это приехали друзья Фоменко, которым тот позвонил.

Глава 9
Звуки Му

В Москву Максим летел счастливым человеком.

Во-первых, он успешно сдал выпускные экзамены.

Во-вторых, его официально уведомили, что он принят солистом в Московский оперный театр.

В-третьих, ему удалось без особых эксцессов расстаться с подругой, которая намеревалась женить его на себе. Любовь прошла, но Соня упорно не хотела этого понять и добивалась своего, пока окончательно не стало ясно, что они ошиблись друг в друге.

Расставание получилось грустным, а душе стало легче. Судьба свела их два года назад и развела. Как шутил приятель Максима Коля Молок: на свете есть лишь одна женщина, предназначенная тебе судьбой, и, если ты не встретишь ее, ты спасен.

Конечно, Максим отметил свою удачу, причем дважды – в кругу семьи и в компании друзей. Однако уже во вторник, двадцать второго июня, его посадили в Архангельске в самолет, и он полетел в Москву, радостно предвкушая искусы столичной жизни.

Рядом с ним оказался молодой парень, ровесник Бусова, веселый и жизнерадостный. Они познакомились. Парня звали Валерием, а работал он барменом и жил в Москве.

– Родичей навещал, – сообщил он. – В Архангельске живут.

Разговорились.

Валерий пожаловался на чиновников городской Управы, затеявших волокиту с документами на приобретение участка на берегу Белого моря.

– Хочу коттеджик себе финский поставить, – признался бармен. – А они устроили чехарду с хождением по мукам. И каждый норовит подчеркнуть свою власть. Мзду не берут, боятся, много их таких посадили за взятки, но и дело не продвигается. Знаешь, сколько они в среднем получают в месяц?

– Нет, – качнул головой Максим.

– Больше пятидесяти тысяч! Депутаты законодательного собрания, кстати, еще больше. А зарплата учителя равна всего двум-трем тысячам. Улавливаешь разницу?

– Откуда ты знаешь?

– Мой друг работает учителем в гимназии. Да и я, между прочим, – Валерий чуть смутился, – заканчивал пединститут. А работаю барменом.

Взлетели. Стюардессы начали разносить напитки. Максим взял томатный сок, Валерий заказал минералку. Одет он был модно, в летний костюм песочного цвета в тонкую частую полоску и в дымчатую кисейную рубашку. На шее не крестик на цепочке, как поначалу показалось Максиму, а какой-то серебристый значок в форме ладошки. И пахло от него не потом, а дорогим лосьоном. Лицо загорелое, овальное, прямой нос, карие глаза, прямые губы, твердый подбородок. Парень наверняка нравился девушкам и знал об этом. А вел себя просто, достойно, не переступая грани вседозволенности и всезнайства.

Максим невольно опустил глаза на свои белые брюки и остался доволен. Он тоже любил хорошо одеваться, и ему это доставляло удовольствие. Лишь одно обстоятельство мешало ему жить: ему часто говорили – с лучшими намерениями, разумеется, – что он похож на известного шоумена Николая Баскова. А Максим хотел быть похожим на самого себя и не быть в тени великих и не очень предшественников. Именно поэтому он старался поддерживать себя в хорошей физической форме, чтобы быть стройнее, и красил соломенные от рождения волосы в темный цвет.

– Значит, ты теперь будешь петь в оперном, – заговорил Валерий, получив минералку. – Это хорошо. А на эстраду не хочешь?

– Нет, – коротко ответил Бусов.

– И правильно. Попса, она и есть попса. Мне даже иногда жалко становится, что многие наши звезды с великолепными голосами опускаются до песен, смысл которых укладывается в три слова, а музыкальный диапазон до двух нот. Жить-то где собираешься?

– Еще не знаю, – сконфузился Максим. – Обещали помочь с квартирой. Поживу пока у знакомого.

– А давай ко мне? – предложил неожиданно Валерий. – Я один, живу в двухкомнатной, в центре, на Тверском бульваре, прямо напротив культурного центра «Старый Свет», не бывал там?

– Нет.

– Рядом ресторан «Пушкинъ». Ну ладно, это не главное. Я тебя свожу туда, хороший центр построили, умеют и наши возводить современные дворцы. Согласен?

– Ну, не знаю… – замялся Максим, вспоминая, что его собираются встретить люди из родноверческого Союза, приходившие к нему еще зимой. – Неудобно…

– Как раз удобно, да и тебе в театр ходить недалеко, три остановки на троллейбусе или одна на метро.

– Не люблю стеснять…

– Говорю же, я живу один, никого ты не стеснишь, да и веселей вдвоем.

– Почему ты один? А родители, жена?

– Это квартира деда, контр-адмирала в отставке, он умер три года назад, а квартиру мне оставил.

– Повезло.

– Это как сказать. Я деда сильно любил, классный был мужик, с характером, он меня и воспитал. Лучше бы он жил еще.

– Извини…

– Да ничего, все путем. – Валерий оживился. – А хочешь расскажу, на чем зарабатывают бармены?

– Разбавляете водку водой? – улыбнулся Максим.

– Те, кто разбавляет спиртное водой, просто не умеют работать. Если что-то мутишь, надо делать это не в ущерб качеству. К примеру, ежели коньяк разбавить подкрашенной водой, он сразу теряет запах и сильно меняет вкус. А если водкой – одни плюсы. В дорогой коньяк нужно доливать именно водку, а в чеке пробивать самый дешевый, и навар получается до тысячи рублей со ста граммов. Или еще пример: кладем в шейкер пять кубиков льда и наливаем туда не пятьдесят граммов вискаря, а тридцать пять, так будет казаться, что там все семьдесят. Представляешь?

– Круто!

– Так же и с разными коктейлями: не доливаешь по пять-десять граммов – и уже в наваре. Есть разница цен и в водке. Берем «Флагман», а продаем как «Русский стандарт», навар – от трехсот рублей со ста граммов.

– А если кто-нибудь различит вкус?

– Есть такие гурманы, – согласился Валерий, – но мы для них держим водку в морозильнике, тогда вкус разных сортов практически неразличим.

– Я не знал, – удивился Максим.

– Я тоже, – засмеялся Валерий, – до того, как устроился на работу в баре. Да мы и на мелочи неплохо зарабатываем, на сдаче, на попкорне, на кофе, на пепси-коле.

– Каким образом?

– Колу делаем из сиропа и воды со льдом. С кофе тоже все просто. Неопытный бармен нальет одинарный и чек пробьет как одинарный, а сумму назовет за двойной. Это грубо: клиент запросто может глянуть в чек. Просили двойной – мы и пробиваем двойной, а наливаем одинарный. Вот уже и чашка лишняя, которую можно смело продавать без чека.

– Лихо!

– А еще лучше принести свой кофе, и торгуй – не хочу. В общем, секретов много, надо лишь работать по-умному.

– А если все-таки поймают?

– Бывали такие случаи, – кивнул Валерий смущенно. – Кого штрафовали, кого увольняли, но я везучий. – Он засмеялся, подмигнул. – Да и не наглею.

– Я бы вообще не смог так… – пробормотал Максим.

– Мне тоже так казалось, – пожал плечами бармен. – Да жизнь заставила. У меня сестренка младшая болеет – белокровие, деньги постоянно нужны. Правда, мне обещали помочь…

– Кто?

– Познакомился недавно… Говорят, у них лекари есть особенные, любой недуг излечивают.

– У меня отец врач, – сказал Максим. – Могу попросить.

– Спасибо, не надо пока. Если не помогут, тогда я к тебе обращусь. Ну, а ты как дошел до консерватории? Поешь хорошо?

Максим порозовел. Показалось, что в голосе соседа прозвучала нотка пренебрежения.

– Почему… не только пою… изучаю систему строев, ладов, гармоний и мелодики… звуковые модули…

– Это еще что за зверь?

– В основе многих звуковых систем лежит интервал квинта, она и является своеобразным звуковым модулем, с помощью которого структурируется звуковое пространство, образуется оригинальная музыкально-кристаллическая решетка, которая организует высотные преобразования звука.

– О! Мои знакомые тоже говорили о звуках, что их можно создавать как геометрические фигуры и передавать без потерь и искажений на большие расстояния.

– Звуковые солитоны.

– Что?

– Ну, это такие одиночные устойчивые волны.

– В общем, тоже интересная вещь. Один из них как-то продемонстрировал этот самый… солитон. Не поверишь – звук отскакивал от потолка и стен как мячик!

Максим вспомнил знакомство с волхвом Иннокентием, который обещал научить его «петь телом». Может быть, речь идет об одном и том же человеке?

– Как зовут твоих знакомых?

– Андрей Дормидонтович и Георгий.

Максим с интересом посмотрел на Валерия, хотел было спросить, как они выглядят, но постеснялся.

– Я тоже знаком с одним Георгием…

– Да сколько их по России, – отмахнулся бармен, потом хохотнул: – Хотя почему бы им не быть родственниками?

Стюардессы стали разносить завтраки.

Разговор прервался.

После завтрака молодые люди поговорили еще о столичных тусовках, знатоком которых был Валерий, об автомобилях – кто какие предпочитает, и самолет совершил посадку в аэропорту «Шереметьево-1».

– Как будем добираться? – спросил Максим. – Тачку возьмем?

– Нас будут встречать, – ответил Валерий уверенно.

Это «нас» зацепило внимание Бусова, но ненадолго. Они вышли в зал прилета, и к ним тотчас же подошел мужчина средних лет в сероватых льняных штанах и такой же рубашке. Максим с удивлением признал в нем Георгия, спутника волхва Иннокентия.

– Вы?!

Георгий усмехнулся.

– Такова воля обстоятельств. Познакомились?

– Все нормально, – сказал Валерий, глянув на спутника с некоторым смущением. – Он согласился жить у меня.

– Ну и славно. Идемте к машине.

– Это он? – посмотрел вслед Георгию Максим в замешательстве. – Ты о нем говорил?

– А ты?

Они посмотрели друг на друга.

– Мир тесен! – сказал Валерий менторским тоном.

Максим засмеялся, почувствовав странное облегчение. Он понял, что знакомство с барменом состоялось неспроста, и являлось оно частью плана, разработанного волхвом и Георгием еще зимой.

Они догнали Георгия, вышли из здания аэропорта, сели в голубую «Ладу-114». Георгий сел рядом с водителем, таким же пожилым с виду, как и он. Максим с Валерием устроились сзади. «Лада» пересекла линию шлагбаума, выехала на дорогу, соединяющую аэропорт с Ленинградским шоссе.

– Как долетели? – обернулся Георгий.

Максим ответить не успел. Машину с ревом обогнал джип «Лендкрузер» и резко подал вправо, подрезая «Ладу».

– Прянь! – бросил Георгий незнакомое слово.

Но водитель «Лады» оказался не менее крутым гонщиком и успел отреагировать на маневр джипа, мгновенно выворачивая руль вправо, спасая машину от столкновения, и затормозил. Джип проскочил буквально в сантиметре от бампера «Лады», вильнул влево-вправо, вынуждая «Ладу» остановиться. Остановился сам.

Водитель и Георгий обменялись быстрыми взглядами.

– Неужели БАЗа? – проговорил водитель.

Из джипа выскочили трое парней в черных брюках и белых рубашках, похожие друг на друга, как зубы из рекламы зубной пасты. Они размахивали руками и что-то кричали, показывая на правый бок «Лендкрузера».

– Чиркачи, – растерянно и в то же время авторитетно сказал Валерий. – Вот повезло!

– Какие чиркачи? – не понял Максим.

– Подстава! У нас это до сих пор модно. Чиркачи нарочно подставляются, а потом вынуждают платить за ремонт своих машин.

– Мы же их не задели, – недоверчиво посмотрел на него Максим.

– А им по фигу! У них наверняка уже есть царапины или вмятины на корпусе, да и менты прикормлены. Сейчас кто-нибудь подъедет и подтвердит, что это мы виноваты. Что будем делать, дядя Жора?

– Посидите, – спокойно сказал Георгий, вылезая. Подошел к джипу.

Парни бросились к нему, возбужденно тыкая пальцами в бок «Лендкрузера». Один подбежал к «Ладе», словно для того, чтобы показать место удара, однако водитель «Лады» тут же сдал назад, не давая ему приблизиться.

– Они специально мажут бампер краской и делают царапины, якобы от столкновения, – добавил Валерий.

Георгий в это время что-то сказал. Максиму показалось, что он услышал слово «молнь» или что-то вроде этого.

Галдеж на дороге стих. Парни замерли, выпучив глаза, опустили руки. Георгий похлопал их по плечам, двинулся обратно к машине. По пути ухватил за локоть третьего, прятавшего правую руку за спиной, дунул ему в ухо – так это выглядело со стороны, и тот неожиданно упал. Георгий сел в машину.

– Поехали.

«Лада» обогнула джип, увеличила скорость.

– Что вы им сказали? – в один голос воскликнули Максим и Валерий, сгорая от любопытства.

– Посоветовал сменить профессию, – все так же невозмутимо ответил Георгий.

– Думаешь, не БАЗа? – Водитель бросил взгляд на зеркальце заднего вида.

– Непохоже.

– Что такое «база», дядя Жора? – полюбопытствовал Валерий.

Витязь помолчал, также поглядывая на боковое зеркальце, достал мобильник:

– Олег, пробей джип «Лендкрузер» с номером «три девятки» и позвони.

Спрятал мобильник, повернулся к седокам на заднем сиденье.

– БАЗа – это аббревиатура слов «безадресная защита».

– Что они означают?

– Вам это пока знать ни к чему.

– А почему упал тот, третий, что к нам подходил?

– От ветра, – серьезно сказал Георгий, подмигивая Максиму.

Валерий фыркнул.

– Действительно, от чего же еще? Научили бы своим приемчикам.

Георгий не ответил, поглядывая в зеркальце.

Валерий повернулся к соседу.

– Ну что, струхнул?

– Немного, – улыбнулся Максим.

– Я тоже. Не люблю попадать в такие разборки. Чувствуешь себя полным идиотом, а сделать ничего не можешь.

– Странно, что они не стали качать права, доводить комедию до конца.

– Это дядя Жора их уговорил, – понизил голос Валерий. – Он знает такие приемы, что не поверишь, если сам не увидишь. Хочу набиться к нему в ученики. А ты каким-нибудь видом борьбы не владеешь?

Максим отрицательно качнул головой, с уважением глянул на спину несуетливого, спокойного *внутренне* Георгия. Присутствие этого человека, несмотря на его вовсе не героический вид, умение владеть собой внушали спутникам уверенность и безмятежность.

Свернули на старое Ленинградское шоссе, по-прежнему забитое потоками машин, хотя уже давно было открыто движение по новой – скоростной трассе. Однако «Ладе» удалось миновать все пробки, и через час Максима и Валерия высадили в центре Москвы, на Пушкинской площади.

– Устраивайся, – сказал Георгий Максиму. – Запомни мой мобильный. – Он продиктовал номер. – В случае чего сразу звони. Вечером встретимся, поговорим, если не возражаешь.

«Лада» исчезла.

Максим в некоторой растерянности повернулся к Валерию.

– Не переживай, певец, все путем, – засмеялся тот. – Я знаю этого человека недавно, но он всегда появляется в нужный момент и добивается своего.

Он же Витязь! – хотел сказать Максим, но вовремя прикусил язык: бармен мог не знать, кем являются его новые знакомые, а выглядеть в глазах Георгия трепачом не хотелось.

Вскоре Валерий не без гордости показывал Бусову свою квартиру.

Максим же рассматривал интерьеры и убеждался в том, что гордость бармена имеет основания.

– Сам делал? – полюбопытствовал он, озираясь.

– Нет, что ты, – махнул рукой Валерий. – Это все родной дядя Иван придумал, он столяр и работает в бригаде строителей-ремонтников. Когда я переехал сюда, они мне ремонт и сделали, качественно и дешевле, чем другим. Нравится?

Максим рассеянно кивнул.

Квартира бармена была отделана деревом всех видов и оттенков – от почти белого до почти черного. Но выглядело это потрясающе! Особенно поразили Максима ажурные перегородки из янтарной сосны и мебель – из обожженного до светло – и темно-коричневого цвета клена. Плюс изумительного рисунка «пейзажи» на досках пола.

– Бук, – топнул ногой Валерий, довольный произведенным на постояльца впечатлением. – Дядька Иван сам рисунок подбирал. Он классный столяр, все стулья и полки изготовил собственноручно.

– Здорово! – искренне похвалил квартиру Максим. – У твоего дядьки хороший вкус.

– А теперь смотри. – Валерий щелкнул выключателем.

В стенах и в потолке зажглись звездочки, соединенные световыми пунктирчиками, плавно меняющими цвет по закону радуги. Комнаты волшебно преобразились, превратившись в пещеры сокровищ.

– Что это?!

– Светодиоды и оптико-волоконные жилы, это уже мое творчество. Ночью будет видно лучше.

– Блеск!

– Правда? – обрадовался польщенный похвалой хозяин, смущенно дернул себя за вихор. – А дядька говорит – эклектика.

– Нет, очень красиво!

– Тогда давай переоденемся, помоемся с дороги, бросим вещи, и я тебе покажу столицу.

Они так и сделали. В квартиру же Валерия вернулись только поздно вечером, к одиннадцати, посетив несколько кафе, торговый центр на Манежной и только что открывшийся культурный центр «Старый Свет», о котором говорил Валерий. Собственно, с него они и начали поход по Москве, изнывающей от июньской жары.

О том, что такой центр существует, Максим услышал по телевизору. Но в нем он не был ни разу. Поэтому с восторгом неофита воспринял и соединение в едином комплексе выставочных и конференц-залов с антикварными магазинами и рестораном, и богатые интерьеры центра, оформленные в рокайльной[1] и неоклассической стилистике. Максим готов был часами рассматривать потрясающие по красоте орнаменты, тончайшую резьбу по дереву, роспись по серебру, патинированные золотые поверхности скульптур, картины с кракелюрами и многое другое, но непоседливый Валерий ждать приятеля не захотел. Пришлось ограничиться часовой прогулкой по «Старому Свету» с заходом в ресторан, в баре которого, как оказалось, и работал Валерий.

Максим, естественно, из вежливости похвалил ресторан, чем окончательно расположил к себе бармена. Однако ему и в самом деле понравилась атмосфера центра, ненавязчиво погружающая посетителей (в том числе посетителей ресторана и бара) в культурную среду, по сути – в музей, наглядно воспитывающий вкус и отношение к русской старине, память о которой старательно стирали и затушевывали те, кто был в этом заинтересован.

---

[1] Рокайль (от фр. rocaille – раковина) – орнамент в виде раковины, а также во втором значении стиль в архитектуре и декоративном искусстве.

Побывал Максим и в Оперном театре, месте своей будущей работы. С трепетом ступил он под своды фойе с его мраморным полом, колоннами и каменными панно на стенах.

Сначала охрана не хотела пускать в театр молодых людей, но после объяснений Бусова, что он просто хотел бы «подышать воздухом оперы», им милостиво разрешили заглянуть в зал, чьи стены слышали всех знаменитых мастеров вокала на протяжении двух веков.

– Не хочешь спеть? – предложил Валерий, когда они подошли к оркестровой яме перед сценой. – Проверить акустику, так сказать.

– Зачем? – смутился Максим. – Здесь великолепная акустика, я знаю.

– Как хочешь, – пожал плечами Валерий. – Надеюсь, ты меня пригласишь на концерт?

– Не на концерт… я буду петь в опере…

– Не все ли равно, где петь?

– Конечно, не все равно.

Валерий глянул на сдвинувшиеся брови Бусова, засмеялся.

– Извини, я не хотел тебя обидеть. Конечно, в оперу не пригласят кого попало. Во всяком случае, наша попса здесь не поет.

К вечеру, исколесив центр Москвы, Максим осоловел и с трудом добрался до квартиры Валерия. Более привычный к таким походам Валерий, видя состояние приятеля, отправил его в ванную, а сам заварил чай. Однако, искупавшись и выбравшись в халате на кухню, Максим обнаружил там кроме хозяина еще двух гостей, Георгия и пожилого с виду мужчину ненамного старше самого Георгия. Впрочем, первое впечатление оказалось ложным. Впоследствии выяснилось, что спутнику Витязя по имени Иннокентий, которого он называл *потворником*, исполнилось сто пятьдесят лет.

– Ну, вы тут посидите, – сказал Валерий, поднимаясь со стула, – чайку попейте, а я пойду искупаюсь.

– Вы хотите поговорить со мной? – догадался Максим, с трудом удерживаясь от зевка; он расслабился после ванной и хотел спать.

Георгий посмотрел на спутника.

– Он не в тонусе.

Иннокентий усмехнулся, заглянул в глаза Бусова.

– Сейчас мы ему тонус поднимем.

В голове прошумел морозный ветерок, и Максим с удивлением почувствовал прилив сил. Голова прояснилась. Сон отступил. Кровь побежала по жилам энергичней.

– Что вы… сделали?! – прошептал Максим.

– Сняли морок, – серьезно ответил Иннокентий. – Спать хочешь?

– Н-нет! Кто… вы?

Иннокентий покосился на Георгия.

– Он летописец Рода, – сказал Витязь. – Тот, кто знает истинную историю славянства, Рода русского и вообще человечества. Зимой мы с ним кое-что рассказали тебе, приоткрыли завесу тайны, сегодня, накануне Купалы, хотелось бы дать тебе еще часть знания.

– Зачем?

Гости переглянулись.

– Хороший вопрос, – проговорил Иннокентий, глядя на Бусова с легкой озабоченностью. – Не ошиблись ли вы, ратники, с избранником?

Максим покраснел, осознав, что своим дурацким вопросом породил в душе потворника-летописца тень сомнения.

– Не ошибается только лежачий камень, – философски откликнулся Георгий. – Хотя я уверен, что мы не ошиблись. Просто он еще молод и полон уверенности, что живет правильно.

– Может быть, свозить его в Калугу, на празднование Купалы? Он многое бы взял, да и очистился бы здраво.

– Предложи.

– Поедешь? – спросил Иннокентий, продолжая изучать Максима прищуренными светло-серыми глазами.

– Почему в Калугу? – пробормотал Максим.

– Потому что это место ближе всего к Москве. Празднование проводит Союз славянских общин, на капище Гамаюнщина под Калугой, завтра вечером, со среды на четверг.

– Мне это необходимо?

– Кто знает? Нам кажется – да.

– Что это за праздник в будний день? – Максим уловил усмешку в глазах Иннокентия, заторопился: – То есть я слышал про Ивана Купалу, конечно, но не очень интересовался…

– Потому что люди не знают ни своих корней, ни традиций. Морочение народа достигло максимума. Большинство не знает подлинной истории отечества, ты не исключение. А празднование Купалы в ночь летнего солнцеворота ведется не один век и не одно тысячелетие. Это один из древнейших священных дней годового Коло, когда Солнце входит в полную силу, когда юноша Ярило становится мудрым мужем Даждьбогом. Только имя Иван присоединили к Купале уже в христианские времена, когда церковные люди приурочили к нашему светлому празднику свой – день Иоанна Крестителя.

– Я не знал…

– Большинство твоих сверстников в таком же положении. Но ты изъявил желание поглубже узнать истинную Славянскую летопись, поэтому я пришел поговорить с тобой перед тем, как ты начнешь учиться *видеть* Правду.

Максим перевел взгляд на Георгия.

– Мне обещали… научить петь «всем телом»…

– Так и будет, – кивнул Витязь. – Но перед тем, как начать изучение *благозвучия*, ты должен узнать Гамаюновы песни, пробуждающие людей ото сна.

– Какого сна?

– В нашу лютую эпоху, – усмехнулся Иннокентий, – миром правит владыка снов Сивый Мориан, он же Морок, слуга Чернобога. Люди живут выдуманной им жизнью.

– Откуда вы знаете?

– Мы – хранители Традиции, иногда еще добавляют – Северной, имея в виду, что русский Род селился на Севере задолго до того, как родились южные роды славянства, в том числе Киевская Русь. Но об этом мы еще поговорим, дадим почитать нужную литературу. Мы же являемся посредниками, несущими свет знания во тьму невежества.

– Светлые… – пробормотал Максим, не удержавшись от иронии.

Иннокентий и Георгий посмотрели на него с одинаковым чувством гордого превосходства и терпеливого смирения одновременно.

– Мы их посланники. Истинно Светлые не живут в больших городах, где власть Морока сильна, они не выступают по телевидению и не выходят к митингующим толпам. Да и начни они говорить, толпа их не услышит, зазомбированная слугами Морока, а идеологи толпы суть его слуги, они легко вывернут их слова наизнанку. Но они есть и они служат Роду, поддерживая традиции и не рядясь в псевдостаринные одежды. Ты готов их выслушать?

– Я… не знаю… – тихо произнес Максим. – Вы рассказывали о Мороке… о русских богах… но в школе нас учили другому… к тому же я некрещеный и не верю в… богов.

– Вера – не знание, ее легко поколебать. А то, что ты некрещеный, это не беда. Христианская религия базируется на ложных постулатах, которые вдалбливались в головы людей на протяжении двух тысяч лет, поэтому с ними трудно бороться.

– Почему ложные? – поднял взгляд Максим.

– Потому что лукавый христианский бог проповедовал учение, ведущее падших к дальнейшему их падению, якобы «для их спасения». Может, вспомнишь библейское: не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься? Разве из этого постулата не следует прямое «грешите ради спасения»?

– Ну… я не думал…

– А ты подумай. Людям настойчиво предлагается план «восхождения» в духе: чтобы идти вверх, нужно идти вниз, в пропасть греха, и временами каяться, чтобы не мучила совесть, будучи уверенным, что поднимаешься вверх. Именно этот тезис и многие другие взяты на вооружение Мороком и его холуями, отчего Россия-Русь и живет сегодня во грехе.

– Разве Библию писали слуги Морока?

– И это хороший вопрос. Отвечу так: христианизация Руси была спецоперацией агентов Морока, чтобы скрыть истину – кто командует парадом. То есть в данном случае Морок спрятался за спину христианского мессии и стал недоступен. Истинную же его сущность заменили два мифа: первый – о мессии, которым стал Иисус Христос, второй – о «варварстве» русского народа, пребывавшего до христианизации «в диком состоянии». Хотя на самом деле летопись русской цивилизации насчитывает не меньше одиннадцати тысяч лет, а если считать с предками-гиперборейцами, то и все сто тысяч. Кстати, Тибетская черная традиция самой древней религии Бон является отзвуком культа Морока. Но это тема отдельного разговора. Мы же хотели побеседовать с тобой о другом.

– О чем?

– Во-первых, о пантеоне русских богов. Во-вторых, о создании сети Морока и его целях. Или тебе это неинтересно?

– Интересно! – сказал Максим искренне. – Хотя я читал… в детстве…

– Ну-ка, припомни, что именно.

– Кажется, был такой бог Перун, еще Сварог… богиня Макошь…

– Все?

Максим порозовел.

– Был еще Хорс… и Дашбог…

– Не даш, а Даждь, – поправил Георгий.

– Что ж, какие-то познания у тебя есть, – сказал Иннокентий без насмешки. – Это радует. Однако они неточны и скудны. Над всеми богами русского пантеона царит Вышний, или иначе Род. Он вне Времени, над Пространством, над Вселенной, над борьбой и покоем, Властелин Прави. Белобог и Чернобог – исполнители его Воли, отвечающие за Состязание, поддерживающее развитие мира. Сварог – созидающий Лик Вышня, Дый или Дэв – Секира в руках Вышня, Перун – Десница. В материальном мире противостоят друг другу Велес и Дый, в духовном – Черный бог и Белый. Именно их противостояние и порождает круговорот материи и духа.

– А Морок?

– Морок – слуга Чернобога, указывающий слабым душам путь в Небытие.

Максим задумался, машинально приглаживая волосы.

– Но тогда получается, что… Морок и Чернобог… полезны?!

Георгий и Иннокентий снова обменялись взглядами.

– Ты задаешь хорошие вопросы, предреченник, – сказал Иннокентий. – Они уже являются ответами. Добавлю, однако: в мире должно царить Равновесие. Если из него убрать Тьму, то не станет и Света. Поэтому нужен баланс сил. К сожалению, этот баланс ныне нарушен в пользу Тьмы, от того все наши беды. Власть на Земле захватил Морок. Наступила ночь Сварога, опустошающая души людей.

– Вот почему так важно не допустить, чтобы Морок вернулся в наш мир, – добавил Георгий.

– Разве он… ушел? – не понял Максим.

– Три года назад мы…

– Погоди, Витязь, – перебил спутника Иннокентий. – Рано еще сему отроку знать конкретику. Азы постичь надобно.

– Согласен, – не стал возражать Георгий.

– А вопрос можно? – робко спросил Максим.

– Разумеется.

– Почему вы решили просветить меня? Я же только… – Максим пошевелил рукой, – певец, не физик и вообще не ученый. Не интеллектуал, в общем.

– Это большое заблуждение, – сказал с улыбкой Иннокентий, – что разумность или интеллект – основной принцип организации жизни. Выстроить счастливую жизнь «по уму» не удалось ни предкам, ни современникам. На фоне удивительных достижений научно-технического прогресса все очевиднее вырисовывается тупик цивилизации. Рост психических расстройств, наркомании, преступности – особенно суицидального терроризма, бездуховности, наконец, приобрел эпидемический характер. Да и сам человеческий интеллект начал сдавать. Все больше проблем с усвоением школьных программ у детей. Все меньше творческих прорывов у взрослых, особенно в поэзии, литературе, человекознании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.